

Л. Н. Большаков

НЕТ НИЧЕГО ДОРОЖЕ

Документальное повествование

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ

Книга посвящена дважды Герою Социалистического Труда, члену ЦК КПСС, первому секретарю Оренбургского обкома КПСС А. В. Коваленко. Автор прослеживает жизненный путь уроженца Полтавщины, сына крестьянина-бедняка, рассказывает о его участии в партизанской борьбе в годы Великой Отечественной войны, партийной работе в Харьковской, Белгородской и Оренбургской областях. Это рассказ о коммунисте, для которого нет ничего дороже интересов партии, народа, социалистического государства.

- Я был, остаюсь и всегда буду солдатом партии!

Так сказал герой нашего непридуманного, строго документального повествования, получая в Кремле вторую золотую медаль "Серп и Молот".

Солдат партии... За этими словами - издавна и навсегда сложившееся у него представление о том, каким должен быть коммунист, как надлежит ему жить и действовать.

Не в первый раз читает-перечитывает А. В. Коваленко небольшие по размерам, но удивительно глубокие, емкие книги "Малая земля", "Возрождение", "Целина". Как просто и точно сказано у Леонида Ильича Брежнева! Вот это место, которое он, беря в руки книгу, ищет глазами снова и снова...

"Здесь уместно будет вспомнить, что на фронтах Великой Отечественной войны пали смертью храбрых три миллиона коммунистов. И пять миллионов советских патриотов пополнили ряды партии в годы войны. "Хочу идти в бой коммунистом!" - эти ставшие легендарными слова я слышал едва ли не перед каждым сражением, и тем чаще, чем тяжелее были бои. Какие льготы мог получить человек, какие права могла предоставить ему партия накануне смертельной схватки? Только одну привилегию, только одно право, только одну обязанность – первым подняться в атаку, первым рвануться навстречу огню".

Да, только эта привилегия, это право, эта обязанность были, есть и будут у коммуниста, и в том прекрасная суть великого, гордого звания, выше которого нет ничего.

С юных своих лет умом и сердцем связан он с партией коммунистов. Ее интересы стали его интересами. Ей подчинил дела и помыслы, желания и надежды. По первому же зову шел, ехал, летел туда, где труднее, и где, следовательно, пользы может принести больше.

Смолоду стала для него партия звездой путеводной. Эта звезда - на всю жизнь.

Страница первая : О НАЧАЛЕ НАЧАЛ – НИКОЛАЕВНЕ

Встретив его взгляд, парень смущенно опустил глаза и сделал все, чтобы возможно незаметнее раствориться среди шумного многолюдья фойе.

- Э, нет, так не годится!

Пути к отступлению были отрезаны.

- Ну, здравствуй, орел! Мы ж с тобою знакомые! Задержав руку парня, спросил:

- Жизнь-то как идет, Серега? Не женился? Да ты не красней... Вон какой красавец!

Смущенный Сергей едва выговорил: - Не-е... Учусь.

, '- Выходит, скоро - "товарищ инженер"? о Парень пришел в себя:

- До того далеко... Еще не раз перед профессорами дрожать придется... .

Собеседник расхохотался.

- Студенту дрожать положено...- И весело: - А в поле вроде не дрожишь. Или не заметил?

- Так то поле... дело привычное... С седьмого класса на комбайне... Сызмалу!

Секретарь обкома посмотрел ему в лицо, будто видел впервые:

- Молодец человек! Если поле дело привычное, если земля тебе любя - достигнешь, чего только поделаешь. Только всегда помни, чему учили тебя Домашние профессора, на всю державу знаменитые.

Начинали разговор вроде бы вдвоем, а вот, гляди же, оказались на виду у всех - в центре как-то сразу притихшего фойе. Молодежь, и любопытство молодое, без всяких ухищрений...

- Был я у него на комбайне,- сказал, обращаясь уже ко всем.- Классно работает! Есть свой почерк! - И спросил:- Кто из вас комбайнером работал? Самостоятельно?

Таких оказалось много. Признавались в том совершенно обыденно, будто в само собою разумеющемся. Один из ребят, сразу подтвердивших свою причастность к делу комбайнерскому, быстро переключил и свое, и общее внимание на другое.

- А эти - золотые? - паренек дотронулся до звезд на лацкане пиджака.

- Звезды-то? Они, сынок, дороже всякого золота! В одной - золото украинских полей, в другой - золото оренбургской пшеницы. Сам посуди, какой пробы!

Положив руку ему на плечо, вдруг присмотрелся:

- А ты не из Чердинцевых? Да вас признаешь сразу... Растут династии! Не царские - хлебороб-ские, трудовые. Наши, советские!..

Потом, сидя в президиуме слета земледельцев, он увидел семерых сынов своего однофамильца Константина Митрофановича Коваленко: Леонида - со звездой Героя, Николая, Ивана, Александра, Василия, Виктора, Владимира. Каждый при орденах-медалях. Все пошли по стопам отца, все в одном совхозе работают. Внуки уже на поля вышли. Не всех и знает - семья большая. Даст она своих инженеров, своих агрономов - земле верных, село любящих, отечеству преданных... И Чердинцевых увидел - самого Василия Макаровича, рабочего-ученого, рабочего-инженера, человека поистине государственного ума... его сынов... его братьев... Сколько их у нас, таких трудовых династий! И какая в них сила!

О чем только не думал, слушая выступления молодых и их наставников. Почти в каждом звучало это слово - династия. Еще недавно оно казалось устаревшим, архаичным. Из давней истории, не более того... А вот теперь вдруг обрело и новое звучание, и новый смысл. Трудовая династия... Это понятно, это близко.

У них тоже семья была немалой - одиннадцать душ. Трудолюбивые, работающие - от деда-бабки, от отца-матери. Только кто бы мог назвать их династией? Разве что смеха ради. Голытьбой звали. Голытьбой они и были. Ни хором, ни земли, ни прав. И никакого просвета в жизни.

Скоро будет ехать в те места. Туда, где жизнь начиналась. Да еще по какому поводу ехать... В Новых Санжарах бюст его установили - как дважды Героям положено. Зовут, действительно зовут земляки. Да и тянет. На село свое посмотреть... товарищей повидать... родным могилам поклониться...

...- Слово имеет член Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, депутат Верховного Совета СССР, первый секретарь Оренбургского обкома КПСС, дважды Герой Социалистического Труда Александр Власович Коваленко.

Встретился глазами с Сергеем - смотрел тот на него немигающе - и встал из-за стола. Что ж, продолжим разговор. Буду говорить о тебе и для тебя. О таких, как ты, и для таких, как ты. В вас - буду* щее нашего дела, наша заветная мечта и ее осуществление.

Он шагнул к трибуне.

Ди-на-с-ти-я...

Слово это вдруг, невесть отчего, разбередило душу воспоминаниями, заставило окунуться в далекое, невозвратное прошлое - Николаевку.

Николаевку на Полтавщине...

Николаевки той на карте нет. А село, уже побывавшее в разряде "неперспективных", растет, строится. Расти ему и дальше.

Что же касается названия...

Пан Чорба - фамилию такую носил тамошний помещик - имел две экономии: Большую Чорбовку и Малую Чорбовку.

Только очень уж хотелось ему обратить на себя высочайшее внимание, и Малую Чорбовку по случаю какого-то события надумал он переименовать - в честь царя нарек Николаевной.

Так и пошло. Прежнее имя забыли, новое укоренилось.

Но старики - народ памятный. Помнили, в чью честь название их селу придумано. Не раз подумывали - скинуть его, да более важных дел оказывалось много: сжились, смирились.

А все ж и до этого добрались. Помозговали деды между собою и однажды провернули-таки давнюю свою идею: переименовать. И имя сами придумали: Свитлищина. "Свитло" - по-украински "свет"... Свет новой жизни!

...Кто скажет, что старым полтавским мужикам чужда поэзия?

Писал ему земляк, что кто-то из друзей давних, друзей детства и юности, стоя возле трассы газопровода Оренбург - Западная граница СССР, которая сразу за селом их пролегает, сказал: "Наша линия... От Сашка идет".

И стала та трасса своею, родною - как река, что знакома тебе с самых первых лет жизни, что купелью твоей была и радостью одарила щедрее щедрого.

Только ли количеством дворов определяется истинное значение села?

Маленькая Николаевка - всего с полсотни дворов - не раз в своей долгой жизни выходила на авансцену истории.

В 1905-м власти ввели сюда чеченскую сотню - так досадило им сельцо это. Внимательнее, чем где-то, слушали тут агитаторов из Андреевки; приехали они и из Кобеляк, а то даже из самой Полтавы.

"Не только слушали - действовали. Никиту Материнского, помещика некрупного, но живоглота первейшего, разгромили в одночасье, как следует проучив и его самого, и других, ему подобных.

Едва ли не из каждой семьи кто-то оказался тогда ц. "холодной", а многие отправились в места отдаденные: одни по этапу, другие вроде и вольными, да не совсем.

Дед Никон получил сотню горячих. Долго отлеживаться пришлось, а вскоре после этого умер. Власу уже нагаек досталось. Рубцы зажили, только Материнский с другими богатеями так зажали, что не продохнуть. Терпел год, терпел другой да и подался с семьей на Волгу, в Саратовскую губернию. Сашко как раз перед тем, в 1909-м, родился. Ради него, ради других своих ребятишек и пустились Влас с Натальей в путь тяжелый, неведомый.

Чего искали - не нашли: бедняку худо всюду. Всеи семьей спину гнули, а концы с концами не сводили. Вернулись беднее прежнего...

...Николаевка-Николаевка... Ты и в Февральскую была не из тихих, и в Октябре заявила о себе решительно. "Мы - за новую жизнь, за Ленина!" - сказали земляки и объединились в коммуну.

И коллективизацию николаевцы провели раньше других. Тут он, нынешний колхоз, - и укрупненный, и богатый - жизнь свою начинал.

И в Отечественную на высоте оказались - не отсиживались, а воевали. Что в немецком тылу, что на фронтах. Сорок две "похоронки" пришло в село вместо живых и крепких мужиков. В скорбном списке имен на памятнике посреди села шестеро Пилатовых, шестеро Фуг, по трое Забрудских, Борсуков, Коваленко. Нет такой сельской фамилии, которой бы здесь не было...

Вот тебе и полсотни дворов. За ними и в них - сама История.

Отцовская хата... Беленькая глиняная мазанка с тусклыми, подслеповатыми оконцами под соломенной крышей...

Вернулись с Волги - пустил Митько Курячий. У самого семья не из малых, да и хата не так чтобы просторна. Только прижались, прилепились один к другому - перезимовали.

А собственный угол все ж лучше. Ставили-вязали, лепили-покрывали сами, своей семьей. По мере сил подсобляли соседи - как меж добрых людей водится.

Тут и жили. Тут росли. С нуждою в обнимку. "Навеки бедно", - говорили люди. На-ве-ки!..

Жить нужно так, чтобы тебя запомнили и - главное - помнили.

Как помнят Степана Лещенко... "Степан Васильевич", - с почтением произносят до сих пор, хотя сколько лет прошло, сколько воды утекло.

Он был из Андреевки. Учился когда-то в агрошколе - той, что потом техникумом стала. Обидно - упразднили, а хорошие кадры готовила, знающие и работающие, землю любящие.

Революционное крещение Лещенко получил еще в 1905-м. Умел этот человек и слово нужное сказать, и на дело настоящее поднять. В пятом - на разгром помещичьих усадеб, после Октября - на строительство жизни новой. Это от него слышали в Николаевке о Ленине, и его вспоминают всех раньше, когда речь заходит о коммуне

"Червоний шлях". Так увлек Степан Васильевич, так зажег людей, что свели бедняки на двор коммунарский и коняг своих невидных, и всякую другую живность, свезли-снесли все, что в хозяйстве требовалось и у них, среди их скарба, на ту пору было. Сами усадьбу огородили, сами ворота поставили. Не какие-нибудь обыкновенные - красные. Даже цвет их был важен. А уж когда пригнали "Фордзон" - о коммуне заговорили без иронии даже те, кто в нее не верил.

"Фордзон", между прочим, со станции тащили волами - тракториста на селе не было, никто толком и не знал, как к ней, диковинной той машине, подступиться. Научились, однако, скоро.

Жили-поживали весело. И на земле дружно работали, и за общим столом управлялись. Коммуна расширяться стала. Не то, чтобы новые семьи втягивались - с этим не спешили. А вот машину какую прикупить или погреб кирпичный сделать... До сих пор в Николаевке говорят: "Это от коммуны осталось". Или - проще: "Коммунарское".

И вспоминают про Лещенко Степана Васильевича. . Даже те вспоминают, которые не знали его и знать не могли - слишком молоды...

До двенадцати лет грамоты Сашко не знал - ни писать, ни читать.

- Возьми меня, тетка учительша, в свою школу,- несмело попросил как-то на улице, улучив момент, когда была она безлюдной.

- Не "тетка учительша", а Мария Николаевна,- поправила женщина.- Завтра и приходи...

В первом классе трехлетки был он всех старше. Поначалу стеснялся: и Шинкаренко Иван, и Ванюшка Стадник - в общем, все, кто садился за школьный стол, родились на два-три года позже, а уже буквы выучили, счет узнали. Порой казалось - не догнать. Да еще когда не каждый день в школу пойти можешь. Хоть и не попрекнул бы никто в доме, да совесть не позволяла есть хлеб не заработанный. Правда, потом кормить учеников взялась коммуна- варили прямо в школе. Тарелка горячего варева, честно сказать, была не лишней. Только подсоблять-то и отцу с матерью надо.

...Первые учителя, не сразу вспоминаются ваши имена, а забыть... забыть вас невозможно. Марию Николаевну Нечипоренко, Андрея Ивановича и Матрену Ивановну Шенгур... После первых классов в школу приходилось ходить не близко - то в Андре-евку, то в Маячку. А Маячка - как-никак шесть-семь верст по зимней целине. Но ежели учиться охота - побежишь, не то что пойдешь.

Пределом мечтаний виделась ему Андреевская агрошкола. На агронома выучиться или - чего лучше - на тракториста... "Фордзон" даже во сне виделся: движется по селу с красным флагом, а правит он, Сашко...

...Не в Андреевке, а трактористом все же стал. Тем прежде всего и памятен ему совхоз с гордым именем "Коммунист". И пойти туда коммунист посоветовал - опять же Лещенко...

Чем только в селе своем не занимался!

Был подпаском и пастухом, волами правил, пахал, сеял, жал.

Сколько помнит себя - работал. Сначала на бо-гатеев - чуть ли не вся земля окрест им принадлежала. Потом в коммуне, в колхозе - уже на пользу общую.

Крестьянский труд - непрерывный труд...

Выстрелы полоснули по спящему селу, мгновенно разбудив всех и вся в округе. К кому ворвалась она, беда нежданная? На эхо, которое, казалось, еще вибрировало в - поздневечерней сельской тишине, бежали люди. Кто успел схватить

винтовку, кто топор или палку - ,к недоброе голыми руками не поборешь. Влас лежал прямо на поле - без памяти, весь в Крови. " Все было ясно - в него стреляли, и не промахнулись.

Не в воровском азарте стреляли - сочным каву-ном попотчевал бы и без угроз. Ничего не увезли и не унесли. Метили в активиста-сельсоветчика, комбедовца, чаще других голос против кулачья подававшего. епримиримо ненавидел он породу эту и не давал рроодам спуску.

В него метили - в него и попали. Лунный свет только подчеркивал мертвенную бледность лица. Раненый глухо стонал. - Влас, потерпи... - Браток, довезем... Везли в Кобеляки - только там был доктор. Везли аккуратно - и для здорового дорога не из приятных, не то что для него, едва живого. - Потерпи...

Дотянули только до Большой Чорбовки. Да и в нее уж въехали с мертвым. Саданули крепко - заражение во всем организме пуля вызвала.

А Гриценко Антон с хлопцами - Пилипом Красильным, Лукьяном Пилатовым, другими молодыми сельчанами - до утра метались по полям, балкам, перелескам. Искали убийц.

Не нашли...

...- Это и есть классовая борьба, сынок. Ты ж сознательный - комсомолец!

Комсомольцем Сашко стал в родном своем селе. Ячейка была не ахти какой большой, только силу ее чувствовали. И люди добрые чувствовали, и погань всякая. Шла борьба за создание, укрепление колхозов - ключевые позиции вместе с коммунистами всюду заняли комсомольцы. Антон Гриценко, районный секретарь в Нехвороще, поражавший всех знанием Маркса и Ленина, говорил так: "Если ты за новую жизнь не воюешь, значит, для комсомола человек бесполезный". И воевали, да еще как! Кулаков к ногтю прижали, попа с дьяком без работы оставили, ночными дозорами ходили, всегда и во всем линию партии проводили. Сельсоветчики, комбедовцы, правленцы - вот кем были комсомольцы.

"Ты сознательный - комсомолец!" - так и звучат в нем эти слова, услышанные в годину горькую.

Он уже не помнит, кто принес ему ту весть, только навсегда в нем осталась тревога того часа, когда посыльный из Николаевки, задохнувшись, выпалил:

- Батька... батька твоего вбылы...

Это по нынешним временам, на карту глядячи да в машине едучи, дорога не дальняя, а когда меряешь версты ногами, лишь кое-где сокращая расстояние в попутной телеге, и когда перед глазами разверстая могила, в которую должны опустить гроб с отцом... твоим отцом,- путь удваивается, становится дольше, труднее - труднее несказанно.

Спешил изо всех сил. Да все равно не успел бы, если бы не мать. Не дала она забросать землей могилу, пока не придет сюда Сашко. Сколько уж сидела перед нею, кое-как прикрытой ветками, а все ж дождалась своего меньшого - добежал, прижался, застыл над могилой.

Холм вырос под ружейный залп - провожали ни-колаевцы побратима как человека боевого, заслуженного. Хоть и не на войне дравшегося, а героя. Героям положен салют, и сколько стволов его произвело, сколько калибров в нем участвовало - ни тогда не счел бы, ни сейчас тем паче. Выстрелы слышались далеко.

Батьке было немного больше шестидесяти. Только, помнится, задолго до того величали его на селе дедом: "дед Влас" да "дед Влас". Рано состарила бедняцкая доля, притушила, посеребрила голову судьба-кручина.

"В гробу он лежал вроде и моложе, да неживой. А над ним говорили речи, тихо утирали слезы мужики, в голос причитали бабы. как жить-то будем, Влас?! - застрял в ушах пронзительный голос всегда тихой, безропотной Семеновны, его матери.

Он запомнил ее в блеклом свете луны, когда ночью, проснувшись в отцовской хате и не увидев ма-Тёрь на обычном ее месте, глянул в оконце и заметил темную фигурку у одинокого холмика. Власа похоронили поодаль от общего кладбища, где помпезно-замысловатые кресты над сельскими богатеями свысока глядели на сиротские могилки-еретики бедняков. Ему определили лежать особо, без креста, со звездочкой - как строителю и сторожевому новой жизни.

Я знал и запомнил навечно, И помнят все люди у нас, Каким боевым, человечным И щедрым душою был Влас. Особой чеканки и пробы Крестьянин, простой человек, С нелегкой судьбой хлебороба Он с детства сроднился навек...

Стихи нескладные, но писал их не поэт - просто односельчанин. Как пометил под фамилией - селькор. И стихи эти - об отце. Его отце.

Был Влас и душевный, и скромный, Так судят о нем земляки. Но ночью ненастной и темной Сгубили его кулаки.

...Селькор! Слово, милое сердцу с комсомольской поры, с комсомольской юности.

"Корреспондент"... "Собственный корреспондент"... "Специальный корреспондент"... Он, давнишний партийный работник, хорошо знает, что за этими понятиями стоит, какой труд в них аккумулирован. И селькор, и рабкор были среди первопроходцев новой жизни. Никто не определял их на эти должности - да и должностей таких не было, как нет поныне. Сами взваливали на себя груз общих надежд и общих тревог, тяжесть великой ответственности и великого, смертельного риска. В них стреляли из обрезов враги, от них порою отворачивались свои, им грозили всякими бедами, а они делали свое - вопреки всему, не боясь ничего.

Он тоже был селькором - в те двадцатые, тридцатые годы. Старые подшивки "районка" хранят в себе его заметки. Заметки про все: кулаков и - ликбез, первые свадьбы без попа и - сплошную коллективизацию. Под заметками его фамилия, иногда просто имя - "Сашко". И каждую он написал потому, что не написать не мог. Едва научившись грамоте, прикипел к газетам.

Вот и этот человек - Житник... Петр Сергеевич...- пишет одно свое звание: "селькор". Оно для него самое главное. Мог бы написать о том, что воевал, орденами отмечен, пулями-осколками истерзан, одна рука, да и та перебитая, и хоть обе ноги на йесте - в каждой незаживающие раны. Инвалид первой группы - что уж тут говорить... А единственным оружием, которое способен держать,- пером своим,- продолжает работать, воевать, славить Жизнь и ее героев.

Спасибо односельчанину за письмо, за стихи об бтце. Не во всем складные, они бередят душу.

Сжимается сердце от боли, И стынет от скорби оно. Но щедрое Власово поле Родит золотое зерно.

"Власове поле..."

Это значит, что всегда - и навсегда - он с земляками своими.

Есть на Полтавщине село. Маленькое, невидное, на картах не отмеченное, для него оно самое дорогое. Исток всего. Исток жизни.

Страница вторая: ГЛУБОКИЕ БОРОЗДЫ

В Полтавском музее, где всяких реликвий не счесть, Галина Петровна Билоус, экскурсовод увлеченный и красноречивый, умолкла как только приблизились мы с нею к трактору. Потом, много позже, она доверительно сообщила, что за этот трактор - третий из тех, что выпущен ХТЗ и самый старый среди обнаруженных в ходе поисков экспонатов такого рода, - харьковчане предлагали "все, что угодно", но не соблазнило это никого - с ветераном не расстались.

И правильно сделали: история сама по себе сила движущая...

Вот он предо мною. По нынешним требованиям тяжеловатый, неуклюжий, но - богатырь посильнее Ильи Муромца. И сколько связано с ним всяких историй... Не придуманных - подлинных!

Немею перед этим "ХТЗ" № 3 выпуска 1931 года и в силах сообщить только общую канву его жизни: проза тут бессильна.

Так вот, в тридцать первом получили трактор в Гадячском районе и вручили его, первый среди первых, Мефодию Наумовичу Стогнию. Лучшие по Венеславовской МТС показатели были у него - все годы работы, до самой войны были. И потом, в войну, "ХТЗ" не сплеховал. Не оставили его оккупантам, перебросили в глубокий советский тыл, и стал он работающим, боевым уральцем, одним из славных хлебопашцев Челябинской области. А когда Полтавщину освободили, отправился Стогний на том же "ХТЗ" в родное село Петровку-Роменскую. Своим ходом пошли, половину России прошли и - дошли!

До 1957-го пахали вместе землю полтавскую, сеяли, убирали. Только после того отвел Мефодий Наумович друга на вечную стоянку - в музей, поворчав для порядка, что трактору негоже в расписных хоромах красоваться, что место его - на земле. Но ворчал просто так - по-стариковски. Сам же... сам был явно польщен...

...После встречи в музейном зале мне стал намного понятнее весь внутренний смысл записи в предвоенной анкете героя этой книги, тогда уже секретаря райкома:

"Основная профессия.- Тракторист" и то яснее стало, почему с избранием его на первого секретаря областного комитета партии Оренбургской области с небывалой силой развер-социалистическое соревнование механизаторов. Оно охватило-всех - каждого комбайнера, шо-ра, тракториста.

одной из книг, которые написал А. В. Коваленко, можно прочесть:

"В годы Великой Отечественной войны далеко за делами Оренбуржья было известно славное имя Сальцева. Руководимая им бригада в суровых условиях военного времени добивалась самой большой выработки на трактор и была награждена щитовым Красным знаменем ЦК ВЛКСМ. Награда бережно сохранена и сейчас снова оказалась у юных механизаторов. Среди комсомольско-молодых тракторных бригад все более жаркой стано-борьба за право принять это знамя в свои Оно является символом неразрывной связи ений советских людей, символом нашего живого патриотизма".

Такие решения принимаются коллективно - и по-это каждому. А все же хотел бы уточнить. Так - предложение вынести фронтовое знамя из музея и вернуть в строй принадлежало Коваленко, познавшему тракторное дело с юности.

Курсы трактористов - они и позвали Сашка в Лозовую.

Одни назначали срок в полгода, другие называли год, но каждый из тех, кто в совхозе побывал, говорил о курсах. И вполне уверенно добавлял: машин там уже сейчас видимо-невидимо, скоро будет еще больше, на курсы принимают с распростертыми объятиями.

А в Николаевке-что? Один-единственный "Форд-зон"! Волон, как поначалу, в него не запрягают,- освоили и оценили вполне. Только тракторист с делом справляется сам и к машине никого не подпускает: без вас, мол, соображу, под ногами не путайтесь.

...В совхоз!

Вот и Лещенко советует: туда, и никуда больше.

Учиться на тракториста...

...- На курсы, говоришь? Трактор тебе подавай? Так то ж машина, а не кляча заморенная! Ты мотор в глаза видел? От пополнение! От кадр!..

В это самое мгновение в прокуренную комнатенку вошел-втиснулся незнакомый человек. Властный взгляд выдавал в нем начальство повыше, постарше.

- Идет пополнение? - быстро спросил он "кадровика", кивнув при этом в сторону обескураженного приемом парня. И к нему: - Грамотный? Читать-писать умеешь?

- Семь групп прошел,- собрался с духом Саш-ко.- Бумага имеется...

- И документ, выходит, есть? - развеселился старший.- Небось на трактор метишь?

- На трактор! - решительно кивнул он.

- Правильно, хвалю,- хлопнул по плечу всемогущий волшебник. И посмотрел на кадровика: - Принимай хлопца! Пиши - в чернорабочие! А там- как покажет себя...

Посмотрел на Сашка:

- Согласен?

- Согласен,- сказал, опешив. Но сразу же повторил, теперь вполне твердо: - Согласен! Помнит он того человека всю жизнь. Директор совхоза-гиганта на пограничье Полтав-щины с Харьковщиной - Сирота его фамилия, имени-отчества уже не скажет - был человеком поистине вездесущим. Не так чтоб уж могучей стати,- щеем, а молодым особенно, представлялся он богатырем. Десятки тысяч гектаров земли, сотни людей, несколько машин, а за все в ответе он, директор. Казалось, и не спит-то никогда, не устает ни от какого до всего доходит, каждого наперечет знает, и говорить: коммунист!

ОН и впрямь знал всех. Не только по имени - по отношению к делу, по склонностям, по характеру. На той встрече разговаривать им вроде и не приходилось: свои дела у главного, свои - у подсобника Но оказалось - помнит.

- Директор велел сказать, чтоб вечером на курсы шел,- сказал ему кто-то, вернувшись из конторы.

Обрадовался несказанно.

Учил на тракториста молодой механик Капинус. На равных они встречались в делах комсомольских. Теперь один стал учителем, другой - учеником, парень из Пятихаток никаких поблажек не да-Спрашивал, как истый экзаменатор. Да еще и приговаривал: "Земля почище моего экзаменовать станет. До всего надо дойти загодя".

За бурьяном не было видно и "Фордзона".

Для начала будто нарочно досталась ему заматерелая непашь - то ли корчевать, то ли пахать-перепахивать. Так и казалось: упрется трактор в стену сорняков - металл, чего доброго, погнется. Иной раз не выдерживал: соскакивал в заросли и крушил их железным прутом - подсоблял машине. Но скоро в ее силу поверил безраздельно - была она послушной и работающей. Плуги вгрызались в целину хватко, поднимали-переворачивали пласты, и оставались за ними борозды ровные, глубокие.

Первые борозды... Их, как морщины на лбу, не сотрешь, не загладишь. Они - навсегда!

Названия-марки тогдашних тракторов звучали как музыка, как слова любви.

Случайно ли, что иные молодые отцы и матери давали своим новорожденным детям имена, обнажавшие всю их душу родительскую, всю их привязанность человеческую?

Уже в Оренбурге Коваленко как-то встретился с двумя братьями, рожденными в те двадцатые годы. Какие имена они носили? Один - Трактор, другой - Темп.

По-хорошему улыбнулся, услышав такое. ' А они с Дусей первенькую свою назвали просто - Валентиной, Валеи. И никаких тебе имен "посовременнее"...

Нашли друг дружку там же, в совхозе. Полтавский парубок Сашко Коваленко и дивчина-харьковчанка Евдокия Скрипка познакомились-слюбились в тридцатом, и вот уже, почитай, полвека вместе, душа в душу. Через все и всякое пронесли свою верность. ...Там, в "Коммунисте", пришла к нему и любовь...

В кандидаты партии он вступал трактористом. Кто-то из говоривших про него на том памятном собрании назвал его даже "опытным". Перехлестнул, конечно, через край: И года не исполнилось, как за Штурвал сел. Хотя, действительно, кое-какой опыт нажить успел, а показателями своими порою и впрямь выделялся...

Но когда заговорили о бригадирстве... Можно сказать, что бригадиром его не поставили, в выбрали. Сами трактористы настояли. Пробовал отнекиваться - не вышло. Так и принял целый тракторный отряд.

Весною повел его в поле. С задачей справились, дальше всегда справлялись. Иной раз рекорды стали - на всю область отличались. Это по их почи-' социалистическое соревнование трактористов раз-Ццёрнулось. Можно в старые подшивки глянуть. Многие заметки с таких слов начинались: "Следуя инициативе комсомольско-молодежного отряда кандидата партии Александра Коваленко..." рХорошо, когда ты путь прокладываешь, а только впереди - дело трудное!

И хорошо, и трудно...отделение в совхозе "Коммунист" было таким крупным, как и другие. В общем, сорок тысяч tv старов одной только пахоты. Коллектив, само собой разумеется, немалый, механизаторы - всему говорили, ежели так, то и председателем рабочего комитета профсоюза должен быть кто? Механизатор!

Выбрали его.

- С трактора не уйду! - заявил вполне решительно.

- А Чапай как людей в атаку водил? На коне! - ответил на его возражения управляющий отделением Михайлов.

За всех ответил. Понять можно было так: оставайся на тракторе и веди за собою других.

Да только предрабочкома не на одной пахоте проверяется. И обязанностей, и забот у него - поверх головы...

Не всегда вспоминается самое-самое важное. В память порой врезается и мимолетное... ..- Грязный хлеб в столовку идет, товарищ председатель!

- Как так - грязный?

- Очень даже просто: на зубах скрипит. Попробуй! Действительно, закрипело.

- Так они ж ногами месят...- вдруг подал голос какой-то малый.

- Кто?!-крикнул рассерженно.

- Да пекари...

Сигнал был серьезным: речь-то шла о хлебе. Но как проверить?

- Ты откуда знаешь? - спросил парнишку.

- Окно там... видно... Только крапива...

Родился план: засесть в крапиве.

Хлеб пекли дед с бабкой. Хата их на краю села была. В тот же вечер занял рабочком позицию в бурьяне и... Описывать то, что увидел, не стоит: аппетита лишиться можно.

Сигнал в общем и целом подтвердился. Оправдаться застигнутым в квашне пекарям было нечем. Замес отправили на свиноферму, хлеб привезли из Лозовой, и сразу, той же ночью, решили, как быть с выпечкою дальше. Решили раз и навсегда.

Председатель рабочкома - не полководец на коне.

В страду он и пахал, и сеял. Жатва приходила - жал и молотил. Только не этим определялась теперь его работа. Люди, их жизнь, их заботы - вот что стало для него главным.

Изучить до винтика трактор, даже рекорды на машине ставить - куда проще, чем так с людьми работать, чтобы и им, и делу от тебя помощь шла. Да помощь не случайная - постоянная: изо дня в день, всегда и во всем.

Когда принимали в члены партии (произошло это 6 марта 1931 года), спрашивали уже не про "личные показатели". И хвалили сдержанно. Справ-"^Яется, слов нет. Но недостатков на отделении мно-йчх Значит, недоучел, недодумал, недоделал. t! Такая должность. о Вручал ему партбилет секретарь Лозовского райкома Муратов.

Какие слова говорил тогда - уже не помнит, а вот крепкое мужское рукопожатие ощущает до сих пор. ...Погиб Муратов на войне - в мае 1942-го...

МТС... Машинно-тракторная станция... Для молодых это уже нечто далекое, историческое. Для поколения постарше - неотъемлемое от их жизни, от их удыбы.

Лозовскую МТС создали в начале 30-х.

Он был среди тех, кто создавал.

И снова, уже на новом месте, стал предрабочкома.

- Хочу учиться!

- Доброе дело... Только в этом году послать не можем. Сам видишь, сколько работы.

- Семилетка - мало...

- Согласен.

- В совпартшколу прошусь... Заочно!

- Заочно? Это решение достойное! Не сомневайся: райком рекомендовать будет... Помолчав, Муратов добавил:

- Придет, товарищ дорогой, время, и пошлем тебя в институт. Очень нам нужны специалисты. Специалисты-партийцы!..

Нужны они были всюду.

- Призываем вас в школу летчиков.

Ожидал всего, что угодно, но о небе не помышлял. Отказываться, однако, не стал. Направляют - значит, нужен. Действительная служба - закон.

Дуся с годовалой Валюшкой перебралась в Севастополь, вслед за ним. Расставаться не хотелось, а тут все-таки поближе: нет-нет, да и дадут курсанту увольнительную.

...На летчика так и не выучился - отчислили.

Не провинился ничем. Только выпадало на его долю иное дело.

Приказ!..

Тот же Севастополь, только Черноморский флот... красавец-крейсер "Красный Кавказ"... И новые борозды жизни - уже морские. Он коммунист, есть опыт работы выборной...

- Рекомендуем вас на отсека комсомольского бюро.

Честь высокая. Справится? Потянет? Комсомольцы на корабле - главная сила. Они - всюду. Они - все тут. Где место отсека? В чем его роль?

Механизаторское дело на земле знакомо, и с людьми можно говорить на равных. Здесь же, сколько бы и как ни старался, не постигнуть ему всего многообразия профессий корабельной службы. Так с чего начать? Где тот ключ, который вызовет зажигание? Притом без долгой, чрезмерно долгой прокрутки, как говорится - с полуоборота?

Думал-раздумывал над этим много.

А все же ключ подобрал: не сторониться людей, идти к ним с открытым сердцем, подчинить все в себе интересам общим, высшим - делу.

Дусе с дочкой пришлось вернуться в Лозовую: из открытого моря в гости не наездишься.

Что ни говори, а личный пример-дело важнейшее. ...."Будь правдив и честен, прям и деятелен. Вслух говорить об этом не надо - бахвальством покажется, да бахвальством, пожалуй, и будет. Но сделать мысль эту главным принципом своего поведения, всей жизни, чтобы каждый видел: отсек рукой, и мне таким быть нужно,- вот самый убедительный, самый доходчивый урок, вот та самая нарядность, которая истинную пользу приносит..." "Личный пример - это не только твой пример, рсть каждый рассмотрит, почувствует, сердцем имеет то дорогое, что есть в людских характерах, родском поведении. В командирах, коммунистах, то-арищах по службе, в соседи по кубрику..." "И сам к людям приглядывайся. Ты тоже еще молод. Ты тоже лишь в начале пути..." ...Добрые советы давал ему в часы долгих бесед корабельного партбюро Кваша. Он и сейчас живет в Севастополе - контр-адмирал в отставке, боевой моряк-флотоводец Фока Семенович Кваша.

Несколько лет тому назад они встретились - учитель и ученик, отсекар партийный и отсекар комсомольский.

Многое, очень многое припомнилось...

Классовая борьба.

Он ощутил, почувствовал ее еще тогда, когда услышал, узнал: земля, на которой гнут спину отец с матерью, братья да сестры, не их, Коваленков, земля, а богатея Материнского владения, и озеро, что неподалеку от хаты, не зря называют "Мики-тиным" - опять же его, живоглота, богатство. Да что же это такое? Да по какому праву?

Осознание всей остроты, всей беспощадности классовой борьбы пришло к нему вместе с полоснувшей по сердцу вестью: "Батька твоего вбылы!" - и еще глубже вошло в него, когда стоял над грубо сколоченным гробом, в котором лежал отец, убитый только потому, что народное добро стерег.

Классовая борьба была для него в гадючьем шипенье и ядовитых укусах кулачья, что никак не желало поступаться награбленным, в выстрелах из обреза в окошко "безбожной хаты" - комсомольской ячейки, когда закрывали церковь в Андреевке.

На флоте он особенно задумался над судьбой броненосца "Потемкин", который поднял восстание тут, на Черном море.

Но в мировом масштабе...

Она, классовая борьба, бушевала по всему миру.

И воочию увидел ее накал, когда корабли Черноморского флота совершали свой поход в державы иноземные.

Турция... Греция... Италия...

Красные моряки впервые смотрели на чужую, незнакомую им красоту, экзотику неведомых стран и бесконечное разнообразие мира.

Но - главное - видели, как бушуют страсти людские, когда безработица, голод, нищета выплескивают на улицы и площади сотни, тысячи жаждущих работы, хлеба, прав, как грозен этот поток для капиталистов, насколько боятся они его и на что в бессильной ярости идти готовы, лишь бы остановить бурные приливы протеста.

Через все эти страны проехал он тогда с боевыми своими товарищами. Смотрел, слушал, ощущал то, что происходило в бушующем мире 1933 года - мире, полном разительных противоречий. И навсегда запомнились щедрые улыбки греков, турок, итальянцев, когда смотрели они на них, советских.

Это тоже было наглядным уроком. Уроком солидарности...

Под самый праздник - шестнадцатую годовщи-Великой Октябрьской социалистической револю-и - на "Красный Кавказ" приехали дорогие го-и: Ворошилов и Буденный.

Моряки смотрели на них как на людей из легенды. Впервые так близко видел Коваленко прославлен-героев и полководцев гражданской войны, оли-етворявших собою лучшее в народе, который разрывал все оковы, все цепи. И, как все тогда, он задал: не мог воевать под их началом. Что поделаешь, когда все войны уже отшумели, все бои закончились...

А они, легендарные, смотрели на безусых красногвардейцев по-отцовски светло и... требовательно. Нет, поход, из которого вернулись, не был праздной прогулкой. Он нес миру представление о силе и мощи Военно-Морского Флота СССР. Истинную правду нес о Стране Советов, о ее людях. И предупреждение, грозное предупреждение тем, которые смириться с Революцией не могут.

...Мы не подкачаем, не подведем, командармы!

Отслужил - демобилизовался в двадцать пять.

Домой... К Дусе, к Валюте... Соскучился!

А дальше?

Да конечно же, в свою МТС. Куда еще?

Встретили широко, радушно. Сразу почувствовал: ждали. И насчет работы его думали, и про все другое, житейское.

Едва увидел новенькие "ХТЗ", как потянуло к ним неодолимо. За руль и - на простор. Чтобы новые и новые борозды оставались. На земле борозды - черноземные, хлебные...

...- Так какие планы, товарищ Коваленко? - спросил его Муратов, секретарь райкома, когда пришел он, чтобы на учет становиться.

- Куда пошлете!

Секретарь посмотрел на него, улыбнулся.

- Добре...- Выдержал паузу.- А насчет учебы как? Если пошлем учиться? Посмотрели друг друга в глаза.

- Советовались мы и решили: посылаем тебя в Коммунистический университет, в Харьков. На агронома учиться. Ну, как?

Могли ли быть у него возражения?

Коммунистический университет имени Артема был тоже рожден Революцией.

Он мало напоминал обычный институт, куда поступали выпускники школ, естественно переходя из классов в аудитории, от ученических парт к вузовским лабораториям. Тут учились люди зрелые, немало уже поработавшие и в деле проверенные, такие, что по опыту своему могли важные участки возглавить. Только знаний пока не хватало, и ради знаний посылали их сюда, хоть нужны были - сейчас нужны - на предприятиях, на стройках, в селах эти энтузиасты, организаторы, партийцы. Но тут им тоже предстояло трудиться ударно: за 4ри года и упущенное наверстать, и все, что специалисту требуется, взять полной мерою - скидок быть не могло.

Значит, не просто ученье, но борьба за знания. За каждую самостоятельно доказанную теорему и каждую осмысленную формулу. За понимание глубинных мыслей-идей Маркса и Ленина. За право быть законодателем земли и вожаком людей.

Борозды на земле... на море... в ученье... Прекрасное назначение человеческое - прокладывать пути в жизни, оставлять добрый след!

МТС он все-таки вернулся. Но уже директором.

Новая Водолага, Новая Водолага... Сколько ты чела, перенесла, вытерпела! Много на долю твою сякого выпало с тех пор, как облюбовали местеч-Муравском шляхе казаки Харьковского пол-построил крепость-невеличку лихой полковник 1бц. Селились в округе крестьяне с Украины Пра-эежной и Украины Левобережной - от гнета Йцичьего бежали, тут и обосновывались. Едва свое заводили - турецко-татарские войска гали. Грабили, жгли, в плен угоняли. Другие бы поднялись, не выдюжили, а эти... Только злее ну становились, и в посрамлень Нуреддину-гану да Гирею-хану строились, в землю вгры-обживались. А когда требовалось, воевать "ли - в Крымских походах участвовали, в Азовских походах, в войнах Северной, и Семилетней, и в скольких еще...

Новая Водолага, Новая Водолага... В разное время разным и славилась. То ремеслами: выделкой кож, шитьем всего, что шить можно, промыслом гончарным. То шелководством, пока не стубили тутовые деревья морозы. То знахарями и шептунами: вся губерния про них знала... Разным, только не земледелием. Малоземелье мужика каждую весну и осень за горло брало. А помещики лютее и лютее шкуру с него драли. Пока не лопалось всякое крестьянское терпение и не шли на грабителей с топорами да вилами... Октябрь зажег зарю надежды. Но много еще пришлось выдержать пострадавшей земле: и австро-германскую оккупацию, и петлюровские набеги, и деникинские бесчинства. Какие только люди не вошли в нововодолажскую историю:

военком Железняк... партизаны Белейвана... отряд Бирюка... О, история о многом напомнит, если спросишь ее не праздного любопытства ради!

Новая Водолага - на годы и годы родная...

Он и сейчас наперечет помнит тех людей, что славу МТС поднимали. Александр Ляшенко комсомольскую тракторную бригаду создал - на всю область гремела. Славил газеты трактористов Сальника, Корбаня, Шеремета, комбайнеров Винника, Водо-пьяна, токарей Онацкого, Повидерного... Да разве всех и каждого перечислишь?

Нет богатства большего, чем такие люди!

Глубокие борозды...

Как и чем измерить работу председателя райисполкома?

Когда избирали, товарищи пророчили: ну, успевай только собирать шишки.

Шишек и впрямь доставалось предостаточно. Только не пугало его, когда они и по лбу щелкали. Со лба синяки сходят, а вот в памяти людей доброе остается.

Так остались после его председательствования радиоузел, что все села связал, электрический свет в колхозных избах, и школы новые, и больницы, и районный Дом коллективиста. - Жить культурнее, жить богаче стали - что и говорить...

Конечно, не его только, "личные", это показатели - таких у предрайисполкома не было, нет и быть ей может.

Но и его. Его, председательские, борозды...

В мае 1941 года выбрали Коваленко первым секретарем Нововодолажского райкома КП(б)У. * Выбрали для дел мирных. А на пороге стояла ойна.

Страница третья: "Я, КРАСНЫЙ ПАРТИЗАН..."

К обычным хозяйственным заботам райкома с войной прибавилось много чрезвычайных, экстренных - фронт приближался день ото дня. том, что враг может прийти сюда, страшно было подумать. Но не думать... не думать - это значит уподобиться безоглядному страусу.

Дальний, глубинный тыловой район вот-вот мог стать полем боя.

Значит, следовало собирать силы - готовиться. И к партизанской войне - тоже.

"Я, красный партизан, даю партизанскую клятву перед Родиной, своими боевыми товарищами - красными партизанами, что буду смел, дисциплинирован, решителен и беспощаден к врагам.

Я клянусь, что никогда не выдам своего отряда, своих командиров, комиссаров и товарищей-партизан, всегда буду хранить партизанскую тайну, если бы это даже стоило мне жизни.

Если я нарушу эту священную партизанскую клятву, то пусть меня постигнет суровая партизанская кара".

Слово в слово... У него в памяти она не из книг - помнит с того самого дня, когда прочел и подписал сам.

Это произошло в сентябре. Тогда-то приняли присягу 58 человек - Нововодолажский партизанский отряд. Так и стоит перед его глазами несолдатский их строй в райкомовском коридоре. Коммунисты... беспартийные... Товарищи мирных будней - товарищи в борьбе...

Председатели колхозов, сельсоветчики - вот кто составил в отряде том большинство.

Он сейчас уже не припомнит, сколько точно колхозов было тогда в районе. Но что восемнадцать председателей настойчиво потребовали оставить их на своей земле - этого не забыть.

Турин, Бондаренко, Сушко, Евдокименко, Лыба... Мудрые колхозные головы, здоровье щадить не привыкшие, на все готовые, лишь бы крепили их хозяйства и лучше жили люди, вы остались верны себе и здесь - честь, хвала вам и вечная благодарность.

Степану Онуфриевичу Лыбе было тогда под пятьдесят. Молодым в гражданской участвовал, потом коммунарком был, колхоз строил. К нему секретарь ездил с особым удовольствием, хотя и знал: без споров-разногласий не обойдется. Крутой нравом, но справедливый, неподатливый советам, пока сердцем их не примет, - таким знали Лыбу, широкого в кости, грузного, бритоголового, с буравящим взглядом исподлобья, в неизменной, выдавшей виды рубахе-апаш, открывавшей крепкую волосатую грудь.

Коваленко рекомендовал его в командиры отряда. Поначалу это многих удивило. Но, подумав, согласились даже самые упрямые: командир будет крепкий. "Ну, а ты, Власович?" - спросил, помнится, Лыба, когда остались они после бюро одни. "Я - бойцом", - ответил ему. Помолчав, добавил: "От секретарства меня коммунисты не освобождали. А райком действовать будет!"

И все на свои места стало; ничего больше про то уже не говорили. Да и говорить было некогда... , Враг рвался к Харькову. Рвался и - приближался...

В районе закончили уборку хлеба, рубили подсолнечник, копали свеклу, заготавливали корма, но "Думали в этот раз не о зимнем недостатке, не о весомости трудодня, не о том, каким будет колхозный счет в банке. Думали, как спасти добро народное, Добро свое от лютой напасти.

"Пора", - слышали однажды в Новой Водолаге, 'и немудрящее то слово скорбью отозвалось в сердцах, вызвав слезы и причитанья по уходящему с колхозных ферм скоту, по тракторам, отправлявшимся длинной колонной невесть куда, на восток.

"Пора..." И каждый - старик ли из тех, что охотно на печку ладились, школяр совсем малый, за которым, говаривали, глаз да глаз нужен, женщина, детьми обремененная, - отправились на позиции. Строить эти самые позиции, где, может, совсем скоро боям быть - боям смертельным.

"Пора!" И партизанский отряд почувствовал себя уже не условным, а действующим подразделением великого этого целого по названию - фронт. Да и как было не почувствовать, если фронт во всей своей тревожной яви ворвался на территорию района? Их района!

..."Пришла беда - отворяй ворота..." АН нет, ворота отворены не будут!

Боевое крещение Нововодолажский партизанский отряд получил не в лесах и не на тайных тропах - в совместных с Красной Армией действиях.

Вместе заняли рубеж перед селом Винники и задержали на этом рубеже фашистов много долее, чем они рассчитывали. Сообща выбивали - и выбили - врага из Рябухино. Жаркими были бои под Хатом-лей и Бурлучком, около станции Лихачеве, близ Но-востепановки - в общем, в разных местах, и не только своего района, а и соседних - Печенежского, Алексеевского, Шевченковского.

Солдат не выбирает, где ему воевать. Дан приказ - идет в бой.

Те первые бои были для партизан доброй школой. И теория, и практика - все вместе. Как в разведку ходить, как оборону держать и наступление вести, как стрелять, бросать гранаты, взрывать мосты - всему этому учились под огнем. И оценки каждому давал не сержант учебного взвода - опять же бой. Оценки в основном: кто отважен, кто труслив.

Трусов, к общему удовлетворению, не оказалось. Потери... вот потери были. Погиб Сергей Цяцко, тяжелые ранения получили Василь Брыжань и Иван Иванюх, ранило некоторых других.

Но войны без потерь не бывает, война - дело кровавое...

В этих операциях они были и бойцами регулярной армии, и партизанами.

Их силу чувствовали и там, куда врага отряд не нускал, и там, куда оккупант вступил, рассчитывая, что - навсегда.

Хозяевами положения считали себя захватчики в той же Хатомле. Спокойно спали, выставив охранение, не подозревая: страшным будет пробуждение, да и не всем проснуться. Разведав в хорошо знако-мых местах все, что знать перед атакой нужно, бесшумно окружили и подавили огневые точки, сняли дозорных и бросились к избе, где находились оккупанты. В окна, в двери полетели гранаты. Тех, кто выскакивал, догоняли пули.

' Колхоз "Комсомолец" фашисты сделали и опорным пунктом наступления, и базой своей - боеприпасов и продовольствия. То и другое оказалось в руках партизанских, когда дерзким рейдом выбили они врага оттуда. Несколько дней держали хозяйство, пресекая всякие попытки овладеть им. Отошли только тогда, когда пришел приказ командира воинской части. Боевую задачу выполнили до конца. Не было бы в красноармейских операциях удачи партизанских разведок. Кто лучше мог засечь сосредоточение вражеских войск, и склады их, и тех-йдку, как не они, в этих местах выросшие? ..Партизанскую хватку узнал весь народ. А они узнали, что такое народная поддержка.

Майским днем 1942-го командование приказало отряду перейти через линию фронта и углубиться в тыл врага. Три дня спустя, 23 мая, нововодолажцы соединились в Змиевских лесах с партизанами Ко-пенкина.

Партизанских снимков у него нет, этот - единственный.

Фотографировать тогда было некому, да, собственно, о "снимках на память" никто и не думал.

Тем более дорог этот: отряд Копенкина перед новым рейдом.

Копенкин - вот, в центре. Лихой, горячий... Что в бою, что в веселье - человек неугомонный...

- Запорожский сам? - спросил его как-то.

- Рязанский я,- ответил.

Про Запорожье подумалось оттого, что в сорок первом копенкинский отряд формировался из рабочих "Запорожстали" и коксохимзавода. Потом узнал: Иван появился в городе на Днепре перед самой войной, а до того служил в Красной Армии, воевал с белофиннами, работал в органах государственной безопасности Измаильской и Одесской областей.

Оброненное им "рязанский" пришлось по душе: родина - место святое, корень всей жизни, и забывать ее не смей.

У отряда уже была история, притом солидная.

Едва-едва сформированный, он выступил в Гу-ляй-Поле, а неделю спустя - под конец сентября - оказался в Харькове. И сразу в тыл врага - в места, где враг считал уже себя хозяином. По девяти районам прошли тогда партизаны, нагоняя на оккупантов страх. То был рейд-предупреждение: трепещите, мол, проклятые, покоя вам не будет, не надейтесь. Они вышли из вражеского тыла в тот момент, когда фашисты совсем уже собрались захлопнуть кольцо окружения вокруг этого неуловимого партизанского отряда. Вышли, оставив разъяренных карателей с носом.

Кратковременный отдых - и снова в дело: туда, где их не ждали. Десять больших операций провел отряд, уничтожив не менее трехсот гитлеровских солдат и офицеров, несколько десятков полицейских, подорвав с полдюжины мостов и сделав непроезжи-ни многие участки дорог. Каратели шли буквально по пятам, но и на этот раз Копенкину удалось пере-хитрить их. В расположение наших войск партизаны вышли в феврале 1942-го, дав напоследок такой фейерверк, который запомнился и непрошеным щришельцам, и местным жителям. Копенкинцев узнали на Харьковщине, на Полтав-дине. Потом были рейды по Ворошиловградской об-дасти, где отряд впитал в себя здешние партизан-силы. Добрым пополнением на пути дальней-м стала группа краснокутских партизан Констан-на Макарчука. А дальше... дальше примкнули к и полсотни штыков Степана Лыбы. Они, ново-ажцы. В рейд по родным местам сподручнее двинуться вместе.

"На этой фотографии Копенкин без Звезды. Указ услышали несколько дней спустя по рации на пой стоянке. Их командир стал одним из первых ^артизан - Героев Советского Союза, и это гово-даило о многом.

Получить Золотую Звезду ему так и не пришлось. : Погиб рязанец в том же сорок втором и навсегда фстался в земле, по которой водил своих орлов. Копенкин... Иван Иосифович... Из Рязани родом...

К тем, кто присягал в сентябре 1941-го, прибавилось немало людей из местных сел, из окруженцев. Они проявили себя в осенних и зимних боях, выдержали испытания огнем и лишениями - самых достойных включили в свой отряд партизаны.

...О, Новая Водолага почувствовала сразу: в район пришли законные хозяева жизни. И не стало уже у немцев жизни без оглядки.

Поначалу они, еще не знакомые с тем, что такое партизаны, попытались разделаться с ними, как говорится, с ходу. Возглавил операцию комендант.

Отряд в тот день расположился на дневку в лесу. Наверное, нашлись прихлебатели -- донесли. Комендант района, трое солдат да шестеро полицейских заявили к месту партизанской стоянки. На визит вежливости это не походило: у гостей были с собою и пулемет, и автоматы, и винтовки. То, другое и третье осталось партизанам "в подарок". Что касается живой силы, то живой она перестала быть уже в самом начале этой встречи. У коменданта оказались при себе некоторые важные документы, раскрывавшие ближайшие вражеские планы...

Визит, естественно, дневку нарушил - пришлось срочно менять место расположения. Но выстрелы в лесу услышали далеко вокруг, по всему району: "Наши пришли..."

Воспоминания - не прямая и гладкая дорога. Они, как калейдоскоп. То одно, то другое вырывает из прошлого причудливая память.

Теперь вот вспомнил Ивана Босяка.

- Ругай не ругай, секретарь, только заявлений "по своему желанию" писать не приучен. И, полагаю, выберемся мы с тобою, Власович, из ям да из грязюки. Давай-ка на это дело колхозы поднимем. Уже в сорок первом. Да без откладу!

В сорок первом он заявление все же написал. По собственному желанию... но для подпольной работы в тылу. "От своих дорог не уйду,- сказал твердо.- Кто их лучше моего знает?"

Успел дорожный начальник принять участие в одной только операции - когда мост взрывали. Тот самый, что заканчивал строить поздней осенью сорокового, под самую зиму; два выговора за него схлопотал - от облдоротдела и от райкома.

Несколько дней спустя Ивана Васильевича Бо-еяка схватили полицаи. Повесили на столбе, который должен был, по его же замыслу, войти в главную линию наружного освещения Новой Водолаги. К телу была прикреплена табличка с одним-единственным словом: "Коммунист".

. Для захватчиков коммунистами были все, кто не пресмыкался перед ними, не искал спасения в покорности. И высвечивает память людей простых, которых в привычной суете жизни мог не заметить, не узнать. Не активисты, не ударники...- всех ли упомнишь, с каждым ли поручкаешься? Только выказали себя простые эти люди истинными патриотами Советской власти, и было то всего дороже, как самое большое завоевание партии.

.А ведь засмеялась бы, назови он ее коммунисткой... Сказала бы: "Тю на тебя, оглашенный, неграмотная я, книг сроду не читала, не говори лишнего". Мало ли что сказать могла, мало ли как мысль свою выразить про то, что коммунисты - это, мол, другие, ученые.

Тетке Ульяне давно шел уже шестой десяток.

- Не боишься, Ульяна Нестеровна?-спросил однажды, придя к ней ночью за сведениями. - А ты, сынок?

- Иной раз боюсь,- признался честно.

--Молодой...- чистосердечно оправдала и даже руку на плечо положила.- Нехай воны бояться. Не мы на ихний, а воны на нашй земли ходють...

Потом, вернувшись к обязанностям секретаря райкома, он сам внес "У. Н. Мелещенко, уроженку села Знаменки, 1888 года рождения, беспартийную" в список представленных к партизанской медали.

"Сообщала ценные сведения... оказывала материальную помощь группе Онацкого... была бесстрашна..." - искал слова поубедительней. А в ушах так и звучало: "Нехай бояться воны".

"Нехай воны бояться!"

Эту мысль он попытался как можно лучше выразить в одной из листовок подпольного райкома, составленной им вместе с комиссаром партизанского отряда Ивановым Ефимом Порфирьевичем, секретарствовавшим вместе с ним прежде в Нововодо* лажском районном комитете.

Ну что, казалось, вот эти рукописные листки с бесхитростными словами ободрения и призыва? Но очень скоро смог он убедиться, насколько велика сила правды. Листовки рассказывали о положении на фронтах, о том, что Красная Армия жива и воюет, что Москва стоит непоколебимо, а под Сталинградом Гитлер получил удар, от которого не оправится. Листки те передавали в селах из хаты в хату, радуя людей добрых и обходя худых, холуев всяких.

"Граждане! Гражданки! Красная Армия богатырски дерется с врагом на фронтах, а нашим долгом является борьба с врагом в тылу. Пусть ни на минуту гитлеровцам не кажется, будто, захватив часть нашей территории, они могут надеть на нас ярмо, покорить советских людей. Не будем же давать врагу покоя ни днем, ни ночью.

Мы боремся за свою землю на своей земле. Долой гитлеризм, который несет нашей земле голод, нашим "детям- смерть, нашему народу - кабалу. Да ; здравствует победа Советского Союза!" Когда листовки были написаны и переписаны, он взял их в руки и - в каждой - дописал: "Нехай оны бояться нашего гниву!"

Боялись, да еще как боялись... Грузовая машина тянула противотанковую пуш- не дотянула и расчет не довезла: перехватили а дороге, уничтожили. В тот же день, 28 мая, от-д перерезал дорогу от Новой Водолаги на Валки, дирушил телефонную связь и не позволял ее вос-ре?анавливать более суток.

29 мая: заняли Паньковку и держали ее в своих руках, пока не рассчитались с фашистскими прихвостнями, а потом провели такую же операцию на опытной станции, которая была превращена врагами в главную продовольственную базу; продоволь-ие увезли вместе с заведующим (предателя судил партизанский трибунал, приговор был без обжалования).

30 мая: налет на концентрационный лагерь в Литве. Охрану перебили, а всех, кто находился в лагере, освободили. Посмотрите сами: 28 мая, 29 мая, 30 мая. : Каждый день!

Лагерь, между прочим, навещал местный жиитель - хромой старичок лет за шестьдесят. "Двести душ там - пленных и здешних, отовсюду собранных. Порешат их - мучают сильно. Охраной заправляют немцы, а стерегут полицаи..." Дополнительную информацию дала разведка в Литвиновку. "Арестованные в двух местах: школе и сельмаге",- сообщила немолодая женщина, выглянувшая на осторожный ночной стук в оконце.

Всегда с людьми - вот что было всего дороже в партизанской их борьбе. Мог ли быть успех, не получи они такие полные сведения от населения? Охрану лагеря обезвредили почти бесшумно. Сбили замки, сняли двери. И вслед затем: "Мы партизаны, вы свободны, товарищи!". Что тут поднялось! Ликующее, неудержимое "ура!" слилось с топотом множества ног, звоном стекла (выбирались и через окна), голосами исстрадавшихся людей и их освобо-дителей.

- Мы с вами! Мы с вами! - раздавалось отовсюду.

Взять с собой могли только тех, кто покрепче. Остальные укрылись кто где. Конечно, с помощью сельчан. Или, вернее сказать, колхозников.

Колхоза не было - коллективизм оставался, креп.

В Партийном архиве Харьковского обкома Ком* партии Украины есть его собственноручное заявление:

"Прошу зачислить меня в ряды красных партизан. Обязуюсь вести решительную борьбу с коварным врагом - немецкими бандами. С честью оправдаю звание красного партизана. К сему А. Коваленко"

Представлял ли он тогда все, что может выпасть на его долю?

Хотя существенно ли это: представлял? не представлял? Главное - воевал, боролся.

Уже после освобождения района подшили к делу еще одну бумагу, и храниться ей вместе с делом тем вечно:

"ХАРАКТЕРИСТИКА НА ПАРТИЗАНА НОВОВОДОЛАЖСКОГО ОТРЯДА тов. КОВАЛЕНКО АЛЕКСАНДРА ВЛАСОВИЧА

...Организовал из партийного и советского актива района партизанский отряд, в котором участвовал лично.

За время пребывания в партизанском отряде т. Коваленко проделал нижеследующее: 1) уничтожил 17 фашистов; 2) уничтожил полицая и забрал его имущество для отряда; 3) участвовал в минировании мостов; 4) вел агитационную работу среди населения, писал листовки и распространял их среди населения...

Командир группы Онацкий, партизаны Малушенко, Турин, Бондаренко, Хихля, Калашник".

Тогда еще до итогов было далеко. Объединенный отряд Копенкина - Лыбы продолжал свой путь к Краснокутским лесам.

Страница четвертая: И СНОВА О ВОЙНЕ

Вот так и не уйти от нее - никуда, никак не уйти.

"Дневников на войне я не вел,- пишет, начиная свою "Малую землю" Леонид Ильич Брежнев.- Но 1418 огненных дней и ночей не забыты. И были эпизоды, встречи, сражения, были такие минуты, которые, как и у всех фронтовиков, никогда не изгладятся из моей памяти..."

Да, уж если хлынут воспоминания о днях военных, так осколками острыми вопьются, стиснут, сожмут, спрессуют в тебе все и вся, и выдержало бы только сердце бешеный напор разгоряченной крови.

Выдержит... Закаленное в таком огне, оно и это перетерпит - сердце человеческое, солдатское, партизанское...

Как звали хутор?

Бирки, кажется... Точно - Бирки!

А ее, дивчину ту? Вспомнил - Дашей...

Тогда он, помнится, долго повторял самому себе один и тот же вопрос: когда и где ее видел? Повторял, пока не представил себе,- да как еще картинно представил,- день перед войной, когда вся Новая Водолага жила сном художественной самодеятельности.

Съехались отовсюду - из Одринки и Ордовки, Просяного и Ракитного, Старой Водолаги, Станичного, сел больших и малых, ближних и дальних.

Всех удивил этот хутор - Бирки. Всего 22 избы в нем, а час с лишком пел-плясал его народ на районной сцене. И стар пел, и мал плясал, собирая самые щедрые аплодисменты. Не отпускали их дольше других - понравились каждому. Требовали: еще! еще!

Так ведь это она была - из плясуний плясунья! Та, что кружилась задористее всех,- казалось, летела, не остановить ее полета. Даша... Ну да, она - Борисенкова Даша! Девушка теперь лежала на подворье - уже закоченевшая, истерзанная, среди крови, схваченной морозом. Танец, оборванный насильниками. Смех, заглушенный пулей.

Сколько ей? Семнадцать... Восемнадцать... Сколько было, столько и останется - больше уже не будет. И не будет у нее шумной свадьбы по осени, на которую, смущаясь, приглашала все жюри, и не будет у нее детей - таких же веселых, как сама, Даш еили Ванюшек.

Хутора не было.

Только пять домов уцелело в пожаре - всего пять, и стояли они сиротами, закопченные, почернев, среди сплошного этого пепелища. Изб жалко. Добротные были тут избы - для себя, поди строили-украшали, на долгие годы рассчитывали, чтоб и детям, и внукам жилось в них удобно. Но изба - что? Избу отстроить недолго - был бы в силе хозяин, были бы люди рядом. Не было людей - и это самое страшное. Тех людей, что пели-плясали... Тех, что на земле этой работали, дома строили..."Ой, лышенько! Сюды! Сюды гляньте!" Всякое видел он на хуторе за этот горький час, тянулся, кажется, бесконечно.

Восьмерых сожженных в сарае за околицей... Сам опознал одного, хотя хуторян и знал вроде бы всех. Опознал бухгалтера из МТС Андрея Феофина. Хорошо знакомы были, не раз в райком приходил - правдолюб, за копейку государственную ни себя, ни других не пожалеет. Знал его не один год, а кто перед ним лежит - догадался не сразу. Другие, из местных, опознали еще двоих - Михаила Водолажченко да из дорожного отдела - Авдеенко Григория Ивановича. Пятерых так и не узнали. Ни мужчин, ни женщин, ни ребенка... Лиц не было, одежды не было - обгоревшие тела людей, которые тут жили, жизни радовались и смерть лютую приняли. Приняли от рук вражеских...

И еще пятерых увидел... Там же, за околицей, только под стогом соломы. Заколотых... застреленных...

Тихон Пантелеевич Боровик...

Ступак Поликарп Харитонович...

Костев Федор Николаевич-Мария Алексеевна Набока...

Василий Тихонович Юшко...

Так и звучит в ушах чей-то голос. На убитых нельзя было смотреть, а требовалось еще и записать - все записать, чтобы не забыть никого и ничто...

"Ой, о-о-ой! - плыл над пепелищем крик страшный.- Сюды!"

Они прятались в погребе - думали, что надежно. Василь Юшко погреб выкопал глубокий - любоваться соседи ходили. Там и нашли свою смерть пятеро Тиндииков - Василий Артемович с сестрою Евдокией, Анна, его дочка, Александра Петровна, поздешнему - Тиндичиха, пятилетняя Нина - общая любимица, девочка шустрая и ласковая. Их забросали гранатами. Теперь в погребе было месиво из человеческих тел. Гранатами... всех, без разбору... мирных сельских людей...

В соседнем доме - тоже в погребе - нашла пуля Федосью Емельяновну из того же семейства Тиндииков. Рядом с ней лежала страшная в своей наготе, изнасилованная и убитая Настя Боровик. По всему телу раны...выбита нижняя челюсть... Звери! Лютые звери!

"Ой... о-о-ой!" - звучало в ушах. "...На этом же хуторе,- вслух писал под диктовку скорбный свой акт молодой партизан,- 57-летний : колхозник Бирка убит во дворе своего дома за то, что он отказался идти на работу "по рытью окопов... убит 70-летний старик Колесник Иван Емельяноч... Ступак Татьяну Ефимовну немцы

избили, а за-ударом холодного оружия в висок убили... Бори-щэву Елену расстреляли..."

расстреляли мать... изнасиловали и убили дочку Дашутку,- плясунью из плясуний... гВсего на хуторе было убито и замучено 27 человек. Много жителей пропало без вести...список длинный. Но каким бы длинным он ни был, ; вместить ему в себе всего горя людского, всего деянного этим двуногим зверьем в маленьком звере.

В «Певучем хуторе", как называли его в районной газете после того смотра, теперь не было, крик и стон, крик и стон...

Кровавые рубцы оставляли гитлеровцы, отступая под ударами Красной Армии.

Тот день в далеком сорок третьем ему не забыть. Тлько до сорок третьего еще надо было дойти. Раньше дойти до Краснокутских лесов - ближайшей (но не близкой) цели.

Не верстами измерялись расстояния – препонами, которые нужно было преодолеть... боями, через которые пройти...

После набега на лагерь отряд двигался к Огуль-дам - не большой, не видной, а все же станции на железной дороге. Неподалеку от деревеньки-невелички остановились на дневку - умаялись, измотались, требовалось собраться с силами. Отдохнуть не дали.

Каратели нагрянули поздним вечером. Рассчитывали они и на внезапность, и на численность свою. Но партизаны организовали круговую оборону и скоро стали хозяевами положения. Семнадцать немцев и полицаев нашли себе погибель от партизанских пуль, другие разбежались под напором тех, кого рассчитывали без особого труда смять. Они же не только без потерь из боя вышли, а еще и с пополнением своего арсенала: пулемет захватили, десяток винтовок, патроны. Все в их хозяйстве нужное... А от дневки, как бывало и прежде, пришлось отказаться. Партизанам могли подготовить встречу у линии железной дороги, и потому миновать этот рубеж решили без особых задержек.

Правда, в последнее мгновение не удержались от искуса: развинтили и разобрали рельсы. Последствия превзошли ожидания: под откос пошел воинский эшелон, вагоны с солдатами превратились в сплошное месиво.

Теперь, выбирая место для следующей остановки, командиры заранее знали: надо готовиться к бою. Карателей подошло несколько сотен. С ходу заговорили их пушки, минометы, пулеметы. Но место боя выбрали партизаны, и место, удобное для них. Тактика тоже была навязана хозяевами. Бой продолжался целый день - от одиннадцати утра до девяти вечера, Измотав врага и немало его положив, командиры и комиссары им одним известными путями вывели отряд из леска под названием Глубокая Балка, ставшего славной ловушкой для целого карательного батальона.

Вывели, надо сказать, вовремя: к месту боя спешили танки и самолеты.

Вреда партизанам они, однако, уже причинить не могли. ...Отряд свернул в Богодуховские леса.

И его иной раз спрашивают:

- Дневника не вели? Или сокрушаются:

- Эх, записывали бы эпизоды - такая книга могла получиться...

Звучит во всем этом упрек: вот какие люди - не подумали о тех, кого не было тогда на свете, а кому знать все это до мельчайших подробностей так нужно.

Да, конечно же, нужно! Так вы, молодые, не стесняйтесь - расспрашивайте дедов-прадедов своих, отцов-дядей, ну просто соседа, что по старости на скамейке сидит часами - то ли дремлет, то ли кости обитые греет, и услышите такое, чего ни от кого другого вам не услышать, из книг не вычитать, в ки-не увидеть. До дневников ли было тогда, в боях каждодневных? А память, хоть и тускнеет она под годами, бережет многое...

На хуторе Булахов облюбовал оккупант себе для гельства новую избу Ганны Червоной. Ее с девками - в старую мазанку на подворье, а сам - выгодно, в горнице да в спальнях паном себя чув-юует. Красноармейке только одно: "Холодно! Греть!" И не выдержало сердце, ненавистью переполненное. "Холодно вам? Жарко будет!" Разожгла печь, натопила сверх всякой меры, до парной ис-зшышсы разморила своих непрошенных квартирантов да и закрыла дымоход, почти наглухо закрыла. Иные не встали уже, кто-то все же выполз... Замучили-замордовали Ганну, и малышкой ее убили, и свекровь, мать бойца... "Червони" - такую носили они фамилию. В переводе на русский это значит: "Красные".

...- Товарищ секретарь, примите к сведению - кандидатский стаж мой давно кончился...

Партбилеты партизаны отдали на хранение в райком - оттуда нарочный увез их в Харьков. Чего греха таить, в условиях отряда многие организационные дела оказались отодвинутыми на второй план и даже забытыми. Не до того, мол... И вот Иван Ма-лушенко напоминал об Уставе. А ведь и впрямь: он обязателен для всех, в любой обстановке. В такой - даже более обычного.

- Рассмотрим, Иван Егорович. На первой же дневке рассмотрим...

Рекомендовали Хихля, Бондаренко, Турин. Нет, не писали ничего, но говорили по всем правилам рекомендаций привычных, письменных: "Я, Хихля Николай Федорович, член ВКП(б) с 1940 года, знаю товарища Малушенко..."; "Я, Бондаренко Роман Евграфович, член ВКЩб) с 1939 года, знаю..."; "Я, Турин Хрисанф Порфирьевич...". Судили-оценивали по делам партизанским - по каждому бою, каждому шагу. За что-то критиковали - не без того. Но приняли единогласно.

- Поздравляем, товарищ Малушенко. А партийный билет получишь после освобождения района от фашистов.

...Он сам ему партбилет и вручал. Со стажем, который начался с собрания в партизанском лесу.

На том собрании присутствовали и коммунисты, и беспартийные. Вместе воевали - вместе и вопрос решали. Но запомнилось ему одно-единственное лицо- Куца Александра Кузьмича. Серое, напряженное, будто из гранита вытесанное... В тот день дошла до него - до всех в отряде дошла - весть о гибели жены и дочки. Марию Куц вместе с их любимицей Шурочкой расстреляли за связь с партизанами.

В Старой Водолаге возникла подпольная организация.

Без всяких решений возникла - из самой ненависти людской к фашистам, из веры беззаветной в то, что Советская власть - это вечная власть, с нею не совладать никому, никогда.

Спивак... Дубина... Крамной... Да он не всех и по 'фамилиям знал. Только разве не результатом и его товарищами работы было оно, всеобщее патриотическое чувство? Вот и сейчас- на собраниях иные не высказываются, в активисты не рвутся, в пассиве числятся, а доходит до решений важных, когда отсидишься и не отмолчишься,

всю натуру свою скрывают, и видишь: глубже она, наша идеология, души людские проникает, чем ежели судить по всем учитываемым показателям. Может, они, стародолажские подпольщики, на исход войны особо повлияли. А на земляков, на односельцев своих? их веру и надежду?

...Люди добрые, да сколько же силы в вас - во-: неодолимой силы!

Каратели следовали буквально по пятам их объединенного отряда. В Краснокутских лесах лавировать было легче - сама местность давала больше возможностей уходить от врага. Но 10 июня - этот день запомнился - разведка внесла о приближении регулярной немецкой части.

И вслед затем начался жаркий, многочасовой бой измотанных непрерывными переходами и ежедневными стычками партизан с формированием из двух тысяч солдат и офицеров, с танкетками, пушками, минометами.

Кольцо вокруг отряда сжималось теснее и теснее. Заняв круговую оборону, он не пускал врага в глубь своего лагеря. Однако высшего напряжения бой достиг тогда, когда партизаны решили пойти на прорыв,- иного выхода у них не было.

Такого шага гитлеровцы от окруженных ими людей не ждали никак. Помогла внезапность здорово. Дерзкий рывок дал партизанам возможность захватить две пушки, три или четыре миномета, вывести из строя бронемашину.

Прорыв удался: из кольца они выбрались. Но десятки партизан остались в лесу навсегда. Многие получили ранения.

Среди раненых были оба командира - Копенкин и Лыба.

Настал час самых трудных решений...

СТРОКИ ИЗ ОФИЦИАЛЬНОГО ОТЧЕТА

"За время боевых операций Нововодолажский отряд уничтожил: немецких солдат и офицеров - 497, изменников Родины - 74.

Освобождено из лагерей военнопленных - 200 чел.

Пущено под откос эшелонов - 2, уничтожено 2 паровоза, 2 пушки, 10 автомашин.

Взяты следующие трофеи: 75 винтовок, 3 пулемета, 1 миномет.

Отряд потерял убитыми 13 чел. и ранеными 16.

После большого боя в Краснокутском районе отряд тов. Копенкина ушел на переход линии фронта, а Нововодолажский отряд вернулся в свой район.

Тов. Лыба по ранению руководить отрядом не мог и в интересах дела, с учетом боевой обстановки, отряд действовал группами вплоть до прихода частей Красной Армии".

Копенкинцы отправились на Колом ак, нововодо-лажцы - в направлении своего района. Командование принял комиссар Иванов.

Лыбу несли на руках. Раненный в обе ноги осколками мины, он страдал не только от непрерывной острой боли, но и оттого, что беспомощностью своей сковывал товарищей.

Несли попеременно. Тучный, около ста килограммов, Лыба физически чувствовал, как тяжела, как непосильна для измученных партизан такая ноша.

Просил оставить его. Просил уйти, чтобы вернуться.

За ним потом. Приказывал командирской своей властью. Не оставляли - несли. Неподалеку от станции Водяной их обстреляли. Укрывшись в лесу, поняли: это Степаном Онуфриевичем через линию не перебраться. Пути железнодорожные и подходы к ним ранились особо - действия партизан тому на-

Так как же быть?

С Лыбой остались Малушенко, Колесник, Присич, Федорченко, Калашник.

Другие свой путь продолжали. Небольшими группами - по восемь-десять человек цели своей добрались: вернулись в родной район.

Лыбу он больше уже не видел. Узнал о его судьбе цного позже, когда встретился с оставленными подле него товарищами.

Перехитрил их мудрый мужик Степан - партизанский батька. Взяв команду на себя, разослал "телохранителей" на поиски более надежного укрытия. Убедил товарищей: крепиться будет, дождется.

По возвращении увидели: командир мертв.

Вот оно, богатство главное - сила духа!

Сколько их, духом сильных, встретилось ему в партизанской жизни - не счесть того, не перечислить...

Вспоминаются эти люди часто - особенно в моменты трудных решений. Даже снятся порой, хотя и много, очень много лет с тех пор минуло.

Товарищи, что головы свои сложили, а ведь живете вы в наших делах, в нашей борьбе, и жить вам всегда - с нами, с детьми-внуками нашими, с народом, которому путь прокладывали.

Побратимы уцелевшие, все выдержавшие, живые,- нет для нас ничего дороже, чем сознание до конца исполненного долга.

Сила духа... Богатство наше бесценное!

В районе своем знали они, понятное дело, все и вся. Знали и их - каждого. Связи с населением были самыми прочными, сведения получали из первых рук.

Активность групп усиливалась - это отмечали и свои, и враги.

Больше всего требовалась сейчас связь с центром.

Пойти в Харьков вызвался Иван Валковой.

В отряде был он не хуже других: нес дозорную службу, ходил в разведку, участвовал в групповых операциях. И забылось, что исключали его из партии за саботаж хлебозаготовок - тем паче, что потом восстановили. И прощали ему хвастовство своим богатством и своими связями. Это потом припоминали, как загорались у Ивана глаза, когда говорил о деньгах купца, которые мог получить за его дочкой, будь другая, не Советская, власть. К болтунам мы бываем, ох, как терпимы да поблажливы! В общем, пошел Валковой не подпольный обком разыскивать, а перед фашистами выслуживаться. Предал, сучий сын... Да есть ли что гаже предателя?

Хорошо хоть то, что верный человек упредил. -' Валковой должен был сообщить центру о ближайших рейдах партизан, а, следовательно, знал их сам. (Теперь эти планы знали враги. Подпольный райком дал команду: из района уходить, и немедленно. Во что бы то ни стало следо-Нвало найти пути соединения с кем-то из соседей.

Соединиться удалось только месяц спустя, когда на одном из своих лесных переходов они встретились с партизанами Волчанского отряда Ивана "Шепелева.

Страница пятая: ВОСПОМИНАНИЕ О ЗЕМЛЯНКЕ

Из газеты 1977 года.

ВОЛЧАНСК (Харьковская область). Еще одно место, связанное с героическими событиями Велики Отечественной войны, увековечено благодарны-1И потомками.

Оно находится в глубине Старицкого леса, что из Волчанска. Здесь в лесной чащобе три с половиной десятилетия тому назад была база одного из харьковских партизанских отрядов. Отсюда народные мстители уходили в отважные рейды.

Выследив место пребывания партизан, гитлеровцы обрушились на них большими силами. Завязался ожесточенный бой. Нанеся врагу потери, партизаны на время ушли из этих мест. А здесь осталась одна из их землянок. Теперь по воспоминаниям ныне живущих участников того сражения она восстановлена. Рядом с нею вырос обелиск, на котором высечены имена бойцов, погибших в неравной схватке с врагами. Среди них Герои Советского Союза Надежда Волкова и Александр Щербак.

Землянка в лесу...

Он помнит ее. Она всегда перед глазами.

И тревожными зарницами вспыхивает в памяти то одно, то другое, с нею связанное.

Встают-наплывают лица людей, здесь встреченных, здесь узанных...

Шепелев. До войны был инструктором Волчанского "райкома". И коммунист молодой, и годами помоложе большинства в отряде. Но исходили от него такая уверенность и сила, что сильнее, увереннее становились рядом с ним все. За год партизанской жизни научился командир многому. Это Шепелев в условиях непрерывных боев-переходов провел объединение трех маленьких отрядов района в один, крупный. Это он ввел обязательное изучение партизанами оружия - изучение по всем правилам, чуть ли не с экзаменами. И разветвленную группу разведки организовал - в каждом селе, на каждом хуторе были такие надежные помощники, что любое передвижение гитлеровцев, любая их акция становились известными тотчас. А уж о храбрости Шепелева и говорить не приходится. Коваленко сам с ним в операциях участвовал - убедился.

"...Сала украинского захотели? Не дождетесь!" О предстоящей на завтра отправке в Германию обоза машин с продовольствием, награбленным по окрестным селам, из Максимовки сообщили накануне. Мальчонка какой-то прибежал - не раз пробирался он сюда одному ему известными тропами. Было это 6 ноября. Под самый праздник - 25-ю годовщину Октябрьской революции.

Повели группу Шепелев и Коваленко. Охрану сняли быстро - все три поста разом. Еще несколько мгновений, и оказались внутри склада, где штабелями лежало приготовленное к отправке добро. До боли было жалко губить его, только ни вынести, ни вывезти невозможно... Но еще более обидно, если достанется такое грабителям! И в складе по-елышался резкий запах керосина - прихватили с бой про всякий случай...

Нижегородов. Участник гражданской войны, боец Чапаевской дивизии. Среди отрядных партийцев он самым старым - стаж его начался еще в двадцатые годы. За несколько дней до прихода но-Эводолажцев начальника штаба отряда выбрали ёкретарем партийной организации. Первым собранием, на котором довелось присутствовать Ковален-было ноябрьское; посвящалось оно политической работе

среди населения. Речь шла о том, чтобы листовки, которые выпускались в отряде, доходили каждого населенного пункта. Говорили о тема-яке ближайших – их следовало посвятить разоб-иению планов угона молодежи в рабство. Листов-были боевыми, призывными. И сам парторг был ловеком боевым. Андрей Яковлевич смело ходил "разведку, брал на себя самое трудное, взваливал непосильное. Взваливал и в переносном, и в зямом смысле слова. Ноябрьским днем возвращался он как-то к месту расположения отряда, и, проходя через поля колхоза "Октябрь", услышал стон. Не мешкая, свернул с дороги и увидел тяжело раненного партизана Столяренко. На собственных плечах и вынес.

Как только начинается большое дело - страда уборочная... стройка важная...- в Оренбургском обкоме партии прежде всего создают пресс-центр. И выдвигаются на передний край все огневые средства идеологической "артиллерии" - печать, радио, телевидение.

...Ни того, ни другого, ни третьего в отряде не было.

Боеприпасы захватывали часто - тем, собственно, и жили. Положение с бумагой складывалось хуже. А цену бумажному листу партизаны уже знали. Особенно, если сверху его значилось: "Смерть фашистским оккупантам!"

Каждая листовка была под стать удачной операции. И по дерзости, с которой распространялась, и по результатам...

- Опять отправлять будут наших девчат и хлопцев,- тревожно сообщали отовсюду.

Все убеждало в том, что такая акция действительно готовится. Причем на этот раз гитлеровцы включили в работу наиболее ретивых краснобаев-угова-ривателей - во что бы то ни стало хотелось им создать видимость "доброй воли".

Разоблачение гнусных намерений захватчиков Коваленко взял на себя. В листовки он вложил всю силу истинной правды о происходящем, всю ненависть к тем, кто старался превратить советскую молодежь в безвольных своих рабов. Но написать и переписать - только часть дела сделать. Не один раз ходил в самое пекло - отправился и теперь. О том, в какие переплеты попадал, даже вспоминать тяжело. Главное - каждую листовку к месту определил. Молодежь на сборные пункты не пошла. Ну, а тех, кого загнали туда силою, партизаны отбили уже на станции Волчанск. Операцией руководил Коваленко: силу слова подкрепил он силой дела. Эшелон ушел пустой...

Как хорошо написано у Леонида Ильича: "Пользуясь случаем, хочу сказать доброе слово р партизанах. Если у кого-либо есть представление о них как о неких обособленных группах в тылу вра-|га, то это представление ошибочно. Многие отряды возникали стихийно, но они имели руководимый партией Центральный штаб и, бывало, проводили крупные операции в полном соответствии с замыс-§ами командования регулярных частей".

Так было и на Харьковщине.

Сделал Волчанский отряд многое. Только тут, на эм месте, смог Коваленко сопоставить боевую аботу нововодолажцев с делами их товарищей, не для подсчета "процента" выполнения - * этом не думалось. Скорее, чтобы получить общую картину партизанской борьбы. Это сколько же де-эт все народные мстители в тылу врага, если) их отряды отправили в преисподнюю сотни рпантов, подорвали по два-три военных эшелю-держат тут - и не пускают на фронт - целые "си, даже дивизии

фашистов! Ну, а если все же Счет того самого "процента", так был он вполне лагополучным для обоих отрядов. Отстающих не азалось...

ЩЕРБАК. Сашко в отряд явился... с неба. Да, так, и никак иначе. Перед войною он был ретарем Старосалтовского райкома комсомола, потом партизанил в районном отряде, а когда тот, выполнив задание, влился в Красную Армию, повоевать успел, пока не попал в госпиталь. Раны зажили - пошел в спецшколу: готовила она к работе в тылу врага. "Центральный Комитет комсомола намерен рекомендовать вас секретарем Харьковского подпольного обкома ЛКСМУ. Как смотрите?" - "Спасибо за доверие, буду работать!" В октябре 1942-го Александр Щербак вместе со связной Надей Волковой и еще двумя членами подпольного обкома - Федором Синько и Галиной Пархоменко были заброшены на территорию области. Галя обосновалась в Великобурлукском районе, Федор закрепился в Ольховатке (и славно поработал, пока не поймали и растерзали его гестаповцы), а Щербак с Волковой действовали вместе с Волчанским отрядом. Так и стала землянка в глубине Стариц-кого леса областным комсомольским центром.

Много позже, в мирное уже время, довелось Коваленко прочесть письма Александра Щербака к жене, к детям.

Письма, которые тот писал и... складывал: даже представления тогда не имел, где они, его любимые, находятся.

"...Дорогая Шура! Суровое время сейчас. Нашей стране угрожает смертельная опасность. Многие погибнут, но они погибнут для жизни миллионов других, таких, как ты, Люда, Вова.

Если б в 1917-1921 годах не погибли многие лучшие сыны народа, не было б свободной, счастливой жизни..."

"...Я буду биться до последней капли крови. Если погибну, я буду честен перед Родиной, партией Ленина как сын Родины и партии. Прошу тебя, береги детей, воспитывай их так, чтобы они любили свою Родину..."

"...Завтра из Москвы я выеду, пока что адреса у меня не будет..."

Это из последнего письма славного парня. Адрес у них, Щербака и Коваленко, стал общим. А о семьях своих не знали ни тот, ни другой.

ВОЛКОВА. О ней, ее жизни он знает еще меньше, чем о Шепелеве, Нижегородове, Щербаке. И жизнь была короче, и быть старалась незаметнее, и не осталось после Нади ни писем, ни семьи. "Вот закончится война..." А закончилась она уже без нее, потому что стал на пути день, нам известный - то самое 27 ноября.

27 ноября 1942 года.

Очередная карательная операция против партизан готовилась с особой тщательностью. Враг решил разом покончить и с Волчанским, и с Нововодолажским отрядом. Разведал дислокацию. Собрал силы. Старица, Терновая, Рубежное стали секретными гарнизонами. Ни туда, ни оттуда не прошмыгнуть даже самому юркому хлопчине. Да, партизаны заставили это чванливое воинство поверить в их опасность. Тем большим было стремление покончить с красными в лесу.

Несколько сотен солдат и офицеров, а вместе с ними полицаи из местных и не местных предателей все туже стягивали кольцо.

- К бою!

То, что силы не равны, поняли сразу. Это продиктовало тактику действий: части отряда - большей - прорывать кольцо и выходить из окружения, второй - меньшей - прорыв и отход прикрывать.

- Прикрытие - за мной! - решительно заявил Щербак и выразительно посмотрел на свои ноги.

С перебитыми ногами он в строй не годился.

- Надя, ты с ними! - крикнул Александр Волковой и добавил: - Приказываю!

Под строгим взглядом связная побежала к группе, которую вел Шепелев. Но в следующее мгновение Коваленко увидел, как девушка бросилась назад и под огнем вскочила в землянку, из которой раздавались выстрелы.

Землянка стала грозным для врага заслоном.

И если большинству удалось прорваться, так только потому, что был этот дот в глубине леса.

Они погибли, до конца исчерпав возможности обороны, расстреляв все патроны - до одного.

- Мы вышли, чтобы продолжать борьбу! - твердо сказал Коваленко. - Через линию фронта переходить рано... Наше место здесь!

Все видели его в бою. Видели и то, как был он измотан.

Отряд из родных мест не ушел.

И ЕЩЕ ОДНА ХАРАКТЕРИСТИКА

"За время пребывания в партизанском отряде Волчанского района тов. Коваленко А. В. зарекомендовал себя как дисциплинированный, выдержанный боец, проявивший исключительную твердость и волю к победе... Его, совместно с другими товарищами, агитационной работой был сорван план отправки в Германию 5000 мобилизованной молодежи, которая разбежалась со станции Волчанск и не явилась к месту сбора.

28 ноября 1942 года после кровопролитного боя с карателями некоторые партизаны требовали выхода из тыла противника. Тов. Коваленко А. В. держал позицию Шепелева И. А. и призвал коммунистов направить всю свою работу на то, чтобы отряд остался в тылу противника и продолжал партизанскую борьбу.

Тов. Коваленко проявил героизм и стойкость во всех последующих операциях.

Командир отряда Шепелев,

комиссар Голуб,

начальник штаба Нижегородов."

Партизанская землянка, как партизанская клятва, - жива...

Страница шестая: ТАМ, ГДЕ ТРУДНЕЕ

И вьются, и вьются пчелы вокруг солдата на постаменте. Говорят люди: дополна, досыта медом наполнена исполинская его фигура.

А про то, чем земля эта напоена, и говорить не приходится.

Кровью...

Зовут солдата Алексеем Воронцовым. Может, полного сходства и нет, только в районе самый почитаемый человек он - политрук Воронцов.

Политрук из войны, что по календарю отдаляется, а в памяти нашей живет и жить будет... Из войны, а до того - из Оренбуржья, где в землю зерно сеял, хлеб растил.

Погиб он совсем молодым - до двадцать шестой своей весны не дожил. И всегда быть ему двадцатипятилетним - в сердцах людских, в песнях, в легендах.

Легенды - это всегда преувеличение. Но зачем оно, если быль такая, что любых легенд возвышеннее?

Жестокий, страшный бой шел тут в феврале сорок третьего. Против 33-го гвардейского кавалерийского полка, занявшего оборону у Булахов - хутора прежде неведомого, а тогда, казалось, главного места на земле,- были направлены силы двух полков пехоты да двадцать пять танков. Два дня - 23 и 24 февраля - ни на час не стихало сражение. Десять атак отбили кавалеристы. Первым показал, как можно расправляться с танками, Воронцов. Подпуская совсем близко, он поражал их из противотанкового ружья. Задержать, во что бы то ни стало задержать фашистов на этом рубеже, дать тем самым перегруппироваться своим - этим жил каждый.

В разгар боя выбыл из строя командир первого эскадрона. Командование принял Воронцов. С шашкой в правой и наганом в левой бросился он на врага, увлекая за собой бойцов.

- За мной! Круши их!

Атака была яростной, для противника - губительной.

...Булахи-Булахи... Много крови впитала в себя многострадальная земля нововодолажская...

Курган Бессмертия и Славы на месте боя, в котором сложил голову Алексей Воронцов, начал расти людскими стараниями вскоре после окончательного освобождения района...

Произошло оно только в октябре.

Солдату трудно. Трудно партизану.

Коммунисту труднее несказанно.

А если ты не только боец, но и работник партии?

"В ту пору я хорошо понял, что война - это, кроме всего, еще и исполинский труд. Труд вчерашних металлургов, слесарей, шахтеров, землепашцев, комбайнеров, конюхов, строителей, плотников. Труд народа, надевшего солдатскую шинель. Проявления не только преданности и отваги, но и великой выдержки, упорства, умения, сноровки..."

Да, Леонид Ильич, я, коммунист Коваленко, тоже понял это тогда - в суровую военную пору.

И не только на партизанских своих тропах...

...Приказ партии!

Он не привык, чтобы ему напоминали о приказах: нужно - значит, делал, выполнял без напоминаний.

Но уход из своего района представлялся отступлением от клятвы партизана, чуть ли не бегством.

- Обком партии направляет вас на строительство военных сооружений в Печенежский и Велико-бурлукский районы...

Секретарь говорил жестко, самым своим тоном давая почувствовать: возражений быть не может. Но перед ним стоял давно знакомый ему человек, и человек, по сути дела, еще молодой, а потому добавил:

- Там тоже война. И тоже опасно. Вся стройка - сплошной бой.

Так оно и было.

Иной раз думалось: и впрямь - где труднее? В родных лесах или здесь, под непрерывным обстрелом?

Впрочем, думать об этом было некогда.

Работать... работать...

...Приказ партии, товарищ Коваленко! Этот оказался и вовсе неожиданным.

- Явиться в Саратовский обком...

В Саратове находилась его семья; о жизни ее он не знал ничего от самого момента эвакуации. Сви-деться с Дусей, с детьми - об этом только мечта-лось. Но отсылали его не на побывку.

- Учиться? Сейчас!?

Да, сейчас. ЦК КПС(б)У создавал курсы партийных работников - предстояла труднейшая работа по восстановлению разрушенного врагами хозяйства.

В мирное время - с полным удовольствием. Но в разгар войны... Когда еще так лютует враг...

- Занятия начинаются через два дня. Получите командировку.

...И такое в войну бывало.

В Новую Водолагу он вернулся вместе с Красной Армией.

Какой вопрос обсуждался в райкоме первым? Самым первым после освобождения?

Этого не забыть: о школах, о детях.

"Варвары XX века разрушили, испоганили нашу культуру. По району уничтожено 32 школы, 20 клубов, 16 библиотек; много учителей и учеников захватчики вывезли на каторгу в фашистскую Германию. Только из Бирчанской НСШ вывезено 100 учеников".

Строки из протокола заседания Нововодолажско-го райкома полны трагедийного накала.

Но не для скорбных подсчетов сошлись люди занятые, не только над утраченным думал партийный актив, среди которого выделялись они, недавние партизаны.

Заканчивалась первая неделя октября, по стране учебный год шел полным ходом,- в их же районе... да, тут для тревог оснований было более чем достаточно. Удалось начать занятия только в восемнадцати начальных и пятнадцати семилетних школах, но ходила на уроки едва-едва половина учеников. Ребята раздеты-разуты - в чем из дому выйдешь? Ни учебников, ни тетрадей. Топлива нет, а до первых морозов совсем близко.

Думали-считали до полуночи. Сроки назначали военные. Что в ремонте подходящих для школ по" мещений, что в завозе дров и угля, книг и бумаги. Сиротам - одежду-обувку в первую очередь. Учителям - приют и ласку вместе с вдовами и увечными. Ни дня промедления! Школа - передний край!

Только потом перешли к вопросам следующим.

Было их, в общем, десятка полтора - неотложных среди неотложных.

И все-таки первым стоял вопрос о школах. О детях. О будущем.

"Мы, нижеподписавшиеся, составили настоящий акт в следующем:

Во время отступления немецко-фашистских полчищ из деревни гитлеровцы сожгли до 300 хат. Убили: Мирошниченко Г. Ф. (58 лет), Швыдкого А. Л. (68 лет), Завода Ф. (35 лет), Рыбалко С. (30 лет), Малахай Г. (45 лет), Гузий И. (43 года), Галушко М. (35 лет), Черный В. (52 года), Шеремет П. (32 года), Бирько Т. (30 лет).

Гитлеровцы грабили население, отбирали последних кур, яйца, муку, картофель и другие продукты, а что не могли увезти с собой (например, коров), убивали...

Подписи. Печать.

Сколько их, таких актов, на стол его легло! А горя людского на сердце - счесть ли?

Каждый день, каждый час - заботы, заботы, заботы. Все они шли от самых жгучих потребностей жизни, и ничто нельзя было отодвинуть, отсрочить.

Кадры.

Самые скромные потребности района:

трактористов - 57 человек,

комбайнеров - 24,

машинистов двигателей - 47,

председателей колхозов - 48,

бригадиров - 111,

счетоводов - 49,

звеньевых - 159,

зав. фермами - 51...

Перечень на целую страницу, а в итоге цифра - 597. Столько надо найти, отобрать, подготовить. И притом без всякой проволоочки - люди нужны сегодня, сейчас.

Организовать учебные центры...

Выделить помещения для занятий...

Преподавателями назначить...

Под особый контроль райкома...

Доклады

В глазах людей - вопросы. С кем бы ни говорил, о чем бы ни шла речь, - вопросы. Ждут живого слова - партийного, правдивого.

"Каждому партийному и советскому работнику не менее одного раза в месяц выступать в двух-трех колхозах..."

И тут же тематика:

"Партия Ленина - организатор борьбы за победу над немецко-фашистскими захватчиками..."

"О международном положении Советского Союза..."

"Героическая защита Сталинграда..." "Фашизм - лютей враг человечества..."

Сроду с докладами не выступал? Так учись. Читай газеты, о жизни думай. Говори правду. Глаза в глаза говори, чтобы в душу запало. Задача ясная? Действуй!

Заботы, заботы...

Создание партийных организаций. Налаживание работы сельских Советов. Проведение осеннего сева. Развертывание торговой сети.

- Заготовка кормов. Заготовка топлива. И кадры, кадры - вопрос вопросов. Всегда под номером 1.

Уходя в леса, с партбилетами партизаны расставались. Заветные книжечки принимал у них на хранение обком.

Теперь билеты возвращались к их законным владельцам.

Но было это совсем не технической операцией. Смотром было: оправдал? достоин?

Будто сызнова в партию принимали, и никто против такой поправки в Уставе не перечил. : Чистое, святое дело - значит, и быть так должно. . Что делал? Как бил врага? Не уронил ли

-звания?

- Поздравляю, товарищ Онацкий!

- Поздравляю, товарищ Турин!

Побратимы-партизаны принимали свои партбилеты как высшие ордена государства. И действительно - есть ли, может ли быть награда дороже?

Придирчиво разбирали каждого. Не все прошли с отрядом его путь до конца. Выбывали по ранению, по болезни, иной раз потому, что обстановка брала в такие тиски, когда надо было переждать, затаиться.

Но ведь и затаиться можно по-разному: трусливо или с пользой.

Андрею Т. билет не вернули. Поначалу действовал неплохо - как все, а потом только о собственной жизни думать стал. Так "законспирировался", что никто вообще его не видел и не слышал. Ни врагу вреда, ни своим пользы. Решили: отказать.

Павел Г., отбившись от отряда, на печке не отсиживался. Перехитрил он фашиста и холуев его вокруг пальца обвел. Подпольной работой в глубоком тылу большую пользу принес партии Павел Карпович.

- Поздравляем, товарищ Гладкоскок, доверие вы оправдали!

...Многих на том смотре недосчитались: погибли товарищи, за правое дело головы сложили. Тем строже спрашивали с живых.

Утверждение милиционеров."

Организация хат-читален...

Восстановление больницы...

Ремонт механической мельницы...

...Что ни день - новое: возрождалась Жизнь.

В первый январь после освобождения проводили в районе не конференцию - партийное собрание. Коммунистов на весь район оказалось всего семьдесят - и членов партии, и кандидатов.

Докладывал Коваленко.

Нет, не о том говорил, что после себя оккупанты оставили. И без доклада знал это каждый. Об уже сделанном шла речь, о задачах. И хоть сделано было много, огромность задач во много раз превосходила осуществленное.

Сам оголодавший, район отправил все, что полагалось, в фонд Красной Армии. В "Искре" не оказалось ни одной тягловой единицы, вспахали же и засеяли восемьдесят гектаров. Всего по району - больше четырех тысяч. Нет-нет, надо точно: 4053. Никаких тут округлений быть не может - дорогой ценою каждый гектар дался, чтобы хоть один из счета выкинуть. Пусть восстановлено пока 13 тракторов и 7 молотилок, а станков всего два - один токарный и один сверлильный, но МТС действует. И колхозы в силу входят, и 33 школы детей учат, и 24 сельских Совета делами своими заняты.

Но уже не за горами весна. Чем раньше и больше посеешь, тем полнее будут закрома.

Семенной материал!

Ремонт техники!
Обучение людей!
Собрание было не длинным.
Дело ждать не могло.

Партийные характеристики всегда сдержанны, немногословны. Как эта, например, - из того же 1944-го:

"Имея опыт организационно-партийной работы, тов. Коваленко в затруднительных условиях с тягловой силой сумел добиться успеха в проведении весеннего сева по колхозам района".

Еще шла война...

Страница седьмая: ВЫСОКОЕ ИСКУССТВО

Сеял в Новой Водолаге - убирал уже в Волчанске.

Не сам себе партийный работник место выбирает, не сам собою распоряжается. Вот и теперь: срочный вызов в Харьков, бывший для него делом обычным, обернулся тем, что из областного центра он выехал не по привычной, каждым метром и каждой выбоиной знакомой дороге, а в направлении ином. Эта дорога вела в Волчанск. Потом узнал: инициатива его перемещения исходила от коммунистов района. Они попросили: дайте в жоаки нам Коваленко, партизанили вместе, с ним положение выправим.

В первые секретари Волчанского райкома его выбрали единогласно.

Да, дела в районе шли неважно. По всем показателям неважно. Как говорится - хоть плачь.

Плакать, разумеется, не стали, а путь к исправлению выбрали наиболее перспективный: укрепление кадров. Начали с первого. По военным делам его знали как человека храброго, волевого, принципиального - надежного по всем статьям. Знали умение работать с людьми, зажигать и увлекать их. Это умение было бесценным сейчас, когда шло восстановление разрушенного войной хозяйства, возрождение самого дорогого - советского образа жизни.

"Науки о восстановлении разрушенного не существовало, учебников, которые бы учили, как поднимать из пепла сожженные, разбитые, взорванные сооружения, не было. Все впервые, все сизнова..." Так пишет Леонид Ильич. Вслед за Генеральным секретарем ЦК может сказать и он, райкомовец того времени: "Я счастлив, что был свидетелем и участником этих больших свершений".

Восемь с лишним лет в Волчанске прожито - и каких лет...

Отдавая всего себя делу, получал он взамен не только ранние седины, но и бесценный опыт работы с людьми, опыт руководства ими и через них всем в районе.

Ничего тот не смыслит, кто картинки розовые рисует: назначили "нового, энергичного", и сразу, будто в сказке, переменилось все, развернулось и расцвело. Читаешь иной раз книжки про такое | "чудо" и диву даешься: да ежели бы так просто получалось, само собою выходило...

Нет, партийная работа полного самозабвения требует, полной отдачи от каждого, кто за нее берется, и не только призвания, не только знаний и таланта, хотя это условие неперемнное, но и труда - тяжелого, порою изнурительного, без упоения сиюминутным успехом, но с четким, твердым представлением о главной цели, с подчинением ей всех сил своих, всех помыслов.

Безмерная, безгранично огромная сфера деятельности, труд поистине ненормированный, ответственность за все и всех -такая она, эта работа. Но ведешь ее и знаешь: силы, нервы, жизнь кладешь на дело великое, равного которому не было, нет и быть не может.

А это и есть самое большое для коммуниста счастье...

Секретарем в Волчанске его выбрали на последнем году войны. Фронт откатился далеко, но страна еще жила по законам военного времени и главным оставался лозунг: все для фронта, все для победы. Между тем кое-кому не терпелось про войну забыть, демобилизоваться, заняться одним - хозяйством. Не своим, личным,- разве про таких речь? Хозяйством общим, коллективным и настолько разрушенным, что оторопь брала от огромности и сложности задач, на плечи людские обрушившихся. Ссылались на постановление ЦК партии и Совнаркома "О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации", напирая на это вот слово: не-от-лож-ных... Они и были неотложными, но требовалось сделать все, чтобы заботы мирные и заботы военные сочетались, чтобы задачи решались одновременно, без урона, а, напротив, с большей пользой и для того, и для другого дела.

Рабочие сутки начинались и заканчивались в раз-думьях над сводками Совинформбюро. И над тем, что могут, что в силах сделать для фронта они в не-"давно освобожденном районе.

Делали многое.

Острее острого стояла проблема кадров. Они нужны были всюду. Всюду в Волчанске, всюду в селах. Но требовала пополнения армия, и только в одном сорок четвертом в районе смогли организовать военную подготовку так, что 600 с лишним человек ушли отсюда обученными-подготовленными, в общем, честь по чести. Захотели учиться на телеграфисток, медсестер, санинструкторов девчата. Их не отговаривали, не разубеждали. Конечно, району без их крепких, работающих рук будет совсем нелегко, но не на гулянку же отправляются - на войну. Среди 662 новобранцев 1944-го было 30 медсестер, 44 санинструктора, 52 телеграфистки.

А скольких хлопот стоила организация эвакогоспиталя... Его развернули в помещениях педагогического училища и детской технической станции, | общими стараниями приспособив их к немедленному Л приему раненых.

Он, секретарь, держал эту работу под особым контролем. И отправку продовольствия на фронтовые базы, и сбор средств в фонд обороны... все многообразие дел, продиктованных потребностями войны, интересами близкой уже победы...

Хозяйство района в годы оккупации было разрушено дотла. И промышленные предприятия, и колхозы...

Сразу после освобождения взялись за восстановление хлебозавода, мясокомбината, электростанции, кирпичного производства. Самые скромные потребности они удовлетворяли, и уже это вызывало радость.

Но только в первое время!.. Восстановить следовало все - и не просто восстановить в полном довоенном объеме, а и так, чтобы давать стране больше прежнего.

Им помогали. Помощь шла из Москвы, одарива-йй вниманием сибиряки, уральцы. Подходило оборудование, подъезжали специалисты. А все же главное зависело от них самих. Их упорства, их хватки. Потому, наверное, и запомнился пуск

каждого из восстановленных предприятий: маслозавода, ткацкой фабрики, завода строительных материалов, мельниц. В масштабе страны то были факты заурядные, обыденные, для района же - события из важнейших, а потому незабываемые.

Жизнь входила в нормальное русло. Входила, хотя еще шли "похоронки" на солдат и голосили по селам вдовы...

МТС возродили буквально из пепла. Прежде крупнейшая на Харьковщине, она, конечно, былой силы сразу не достигла, но на земле, истосковавшейся по хозяевам своим, механизаторы выказали себя людьми неутомимыми. Недостаток тракторов и комбайнов перекрывался двойным, тройным накалом энтузиазма. Социалистическое соревнование приобрело невиданный размах...

ИЗ ПРОТОКОЛА ВОЛЧАНСКОЙ РАЙОННОЙ ПАРТИЙНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

"Председатель колхоза имени Фрунзе тов. Рад-ченко:

- Сегодня мы с полным основанием можем сказать, что все наше артельное хозяйство восстановлено. Уже этой весной освоим все посевные площади, которые засеивали в довоенном году.

Секретарь партбюро Волчанской МТС тов. Грин-ченко:

- План тракторных работ за прошлый год по машинно-тракторной станции выполнен на 125 процентов. Механизаторы показывают патриотизм во всем. Тракторист Чумаченко - один из лучших в работе, а кроме того, сорок пудов хлеба в фонд Красной Армии сдал.

Секретарь парторганизации дистанции пути тов. Чурсин:

- Железнодорожные линии теперь в полном порядке. До метра восстановили: теперь будем смотреть за ними как за глазами собственными..."

ИЗ ХАРАКТЕРИСТИКИ, НАПИСАННОЙ В ТОМ ЖЕ ГОДУ

"Тов. Коваленко А. В. партийную работу, экономику и сельское хозяйство знает хорошо, умело сочетает политико-массовую работу с выполнением хозяйственных задач. План хлебосдачи за прошлый год выполнен по району на 100 процентов, тракторный парк отремонтирован полностью, сев проведен в наилучшие агротехнические сроки..."

Оба документа - из 1945-го. Года незабываемого!..

День Победы]

Сколько бы ни слушал эту песню, всякий раз будоражит она его душу щемящими отзвуками-воспоминаниями.

Это праздник со слезами на глазах, Это праздник с сединою на висках...

Как просто и как точно сказано! Для всех он та-|."ой - и для тех, кто воевал на фронтах или за ли-јMiefl фронта, и для тех, кто оружие ковал, хлеб сеял и растил в уральских, в сибирских даях. Мил-јВНОНбі людей головы свои за правое дело сложили. Йе воротились и не вернутся они никогда в места родные, к матерям, женам, детям, невестам. "Со слезами на глазах..." Высохнут ли когда-нибудь эти слезы? о Да, такое не забывается и забыто быть не должно. Слышите, внуки и правнуки? Слышите, поколения счастливые, войны не знающие?

До войны в районе насчитывалось 1352 коммуниста. В сорок пятом их было 280. Большинство ушло на фронт, сотни погибли в боях. Но сила партийной

организации никогда численностью не измерялась. И один в поле воин - если высокой идее предан и нет для него ничего дороже, чем проведение в жизнь воли партии.

ИЗ ХАРАКТЕРИСТИКИ 1947 года

"...В районе успешно восстанавливается разрушенное хозяйство. В 1947 году осваивается 99,7 процента довоенных площадей. Против 1944 года удвоилось поголовье лошадей и утроилось - крупного рогатого скота. Тов. Коваленко создал крепкий партийный актив, являющийся опорой в повседневной работе. Политически грамотный, обладает организационными способностями, пользуется авторитетом среди коммунистов и всего населения района".

Комментарии?

Ими можно сопроводить каждую строку.

Но разве не красноречивее статистика?

1946-1950-й: не только все прежние предприятия восстановлены, но и новые в строй вступили - обособлительный завод, швейно-обувной комбинат.

1948-й: промышленность района превысила довоенный уровень производства на 17 процентов - больше, чем в любом другом городе на Харьковщине.

Тот же, 1948-й: валовой сбор зерновых культур достиг уровня 1940 года, а по некоторым хозяйствам даже превысил его. То же самое можно сказать и о свекле. Волчанск снова стал "сахарным".

Теперь перечислять это легко. А достигнуть? Легко ли было достигнуть? Ничто не давалось просто так, за здорово живешь. Все требовало напряжения сил и самого изобретательного творчества. Творчества во всем, а в партийной работе - в первую очередь.

Только через поиск лежит путь к совершенствованию. Поиск каждодневный, непрестанный. Как говорит в "Возрождении" Леонид Ильич Брежнев: "В партийной работе необходим прежде всего политический анализ обстановки. Тогда и к хозяйственным делам будешь знать, с какой стороны подступиться". Это как раз в том месте, где автор под-черкивает: "...секретарь райкома - это в первую очередь крупный политический работник, представитель ЦК нашей партии в большом административном районе".

Без совершенствования методов работы, всего ее Цстиля вперед не пойдешь и прочных успехов не ждобишься - таков закон нашей жизни, вовек непреложный.

Текущих дел всегда невпроворот. Как ни бичуют Цжтекучку", избежать ее невозможно: каждый день жизнь задает столько задач, что успевай поворачиваться. Но при всех условиях, при всех обстоятельствах умей увидеть и выделить главное, коренное. И обязательно - пробиться к человеку, выйти за человека. Через бумажный поток, заседания, совещания, бюро, телефонный бесконечный разговор - на человека как силу главную, основу всех основ.

Воспитывай руководя. Руководи воспитывая. мысль тут одна - все в партийной работе взаимозавязаны. Раздели это единое целое, оторви одно от другого - не жди успеха, не дождейся его. И помни: требовать имеет право тот, кто заботится о людских судьбах, внимателен к ним, неравнодушен. Эффективность партийной работы - в качестве ее, а качество - в умении смотреть далеко вперед, но притом видеть все и вся вокруг. Главное - людей видеть, в каждом разглядеть личность.

Партийная работа - сплав идейности и деловитости, душевности и требовательности. Это всегда личный пример - "делай, как я", всегда преддверие атаки - "за мною, вперед!" Ты постоянно на виду - на семи ветрах, со всех сторон

просматриваемый и обстреливаемый. На тебя надеются, от тебя ждут, ты в ответе за все - вот она, профессия наша. И тем ты больше соответствуешь ей, чем активнее вырабатываешь истинный партийный стиль работы, накапливаешь в себе партийность.

Немаловажный факт: из работавших в Волчанском районе в годы секретарства там Коваленко было выдвинуто первыми секретарями райкомов и председателями райисполкомов семнадцать человек. Он и сейчас в большой дружбе со многими... Да перечислишь ли всех - тех, у кого учился и кого учил? Небольшая - в масштабе партии - организация стала университетом партийности и для него, и для его товарищей.

Орден Красной Звезды пришел к нему в признание заслуг партизанских. Еще одну Красную Звезду получил за достижения в восстановлении народного хозяйства на Харьковщине.

На харьковской земле заработал и орден Ленина вместе со звездой Героя Социалистического Труда.

"...Коваленко Александру Власовичу - секретарю Волчанского райкома КП(б)У, обеспечившему своей работой перевыполнение в целом по району плана сбора урожая сахарной свеклы на 62,2 процента".

Это из "Правды": год 1948-й, 12 мая.

В том же Указе имена еще трех волчанцев: директора МТС А. Ф. Белинского, начальника рай-сельхозотдела С. А. Божко, председателя исполкома районного Совета М. И. Дерябина.

ИЗ ПИСЬМА ГЕРОЯ КНИГИ К ЮНЫМ СЛЕДОПЫТАМ В РОДНОМ СЕЛЕ

"Первую медаль "Серп и Молот" я заработал на Харьковщине. В Указе было сказано: за свеклу. А ежели подумать да прикинуть, так получится, что за восстановление, возрождение жизни. Могли бы мы иначе через три года после такой войны на рекорд пойти, да еще по всему району? Конечно, нет. А восстановить хозяйство не смогли бы без великой, трудной и мудрой работы партии. Не для красного словца говорим мы, когда нас награждают: всем, что имеем, чего достигли, обязаны ей, Коммунистической партии Советского Союза, ленинскому Центральному Комитету. Тут сама правда, тут - корень всего... После Волчанска я работал в Чугуеве - тоже первым секретарем, но в этом районе пробыл недолго. Как раз в это время по соседству с Харьковской образовалась Белгородская область. Новой области Российской Федерации требовались кадры, и меня послали туда - сначала первым заместителем председателя облисполкома, потом председателем выбрали, а дальше и первым секретарем обкома партии. Я и сейчас, хоть давно оттуда уехал, заинтересованно слежу за делами области, в создании которой принимал участие. Радуюсь успехам, огорчаюсь, когда не все ладно получается, откликаюсь на просьбы товарищей. Взаимопомощь в нашей жизни - великое дело..."

От Харькова до Белгорода несколько часов езды. От секретаря райкома до секретаря обкома - путь подлиннее и посложнее. Не о времени, затрачиваемом на "акклиматизацию", идет речь, - на любом новом месте она требуется, и нигде, никогда скидок на это не полагается. Огромна дистанция в масштабах работы и масштабах ответственности. Теперь ты в ответе за обширный административно-экономический район страны - целую область. А у этой - ко всему еще - нет прошлого, нет традиций, и все, решительно все надо начинать сызнова. Значит, трудно вдвойне. И усилий требуется больше. Хотя... хотя кто их может измерить - усилия партийного руководителя области?

И сегодня Коваленко помнит бесхитростные стихотворные строки, которые не раз приводил в своих выступлениях на белгородской земле. Их сочинил колхозный пастух из села Терехово Старооскольского района Владимир Михалев.

Хмельные ветры рожь колышут... Короча стиснута в садах. Встают у Яковлеве вышки, Дробится в Губкине руда. Гремят составы - стыннут рощи. Руду, цемент, зерно - давай! ...Мой край - родная Белгородщина - Железорудный, хлебный край!

Его с краем тем узы кровные не связывали, но чем дальше, тем становился он ближе, дороже, роднее. На этой земле белгородской бушевали в войну кровопролитнейшие сражения. Отсюда вели свое начало победные салюты в честь освобождения наших городов. В недрах области оказались главные богатства Курской магнитной аномалии - их надо было поскорее поставить на службу стране. Машиностроители, химики, цементники - на всех их возлагались громадные надежды, и год от года удельный вес этих отраслей экономики Белгородщины становился в государственных планах все заметнее. Многого ожидала Родина от земледельцев и животноводов самой молодой области России. Оправдать, во что бы то ни стало оправдать надежды - таким желанием были исполнены здесь все. И, конечно, он - впервые выдвинутый на высокий пост руководителя области.

У Курской магнитной аномалии более чем полу-торавековая история. До Великой Октябрьской социалистической революции ею занимались лишь отдельные ученые-энтузиасты - царским властям до этих богатств и дела будто бы не было. Революция перевернула все. Еще не закончилась гражданская война, а Ленин подписал решение о создании Особой комиссии по изучению удивительного клада природы. Председателем комиссии стал ученый-большевик Иван Михайлович Губкин. Но ни настоящего опыта освоения железорудных месторождений в необычайно сложных геологических условиях, ни сколько-нибудь пригодной для этого техники в стране не было, а потому и шли работы не быстро и не очень-то успешно. Только после XVIII съезда партии развернули их энергичнее. Первый рудник наметили сдать в эксплуатацию в 1942-м. Не сдали - на пути стала война. "КМАстрой" эвакуировался на Урал, уже построенные шахты и освоенные горные выработки затопили, чтоб не достались врагу... Тот комплекс сдали только в 1952-м; он дал начало новому городу - Губкину.

Однако главное было впереди, и возглавить освоение несметных богатств отныне предстояло вновь созданной областной партийной организации. Возглавить - и сделать все, чтобы в самые короткие сроки Курская магнитная показала силу и мощь свою в полной мере. Дело было сказочно огромным и новым во всем...

Как-то недавно перелистал Коваленко написанную им в Белгороде книжку "Главное - в организаторской работе". Вышла она в преддверии XXII съезда Коммунистической партии Советского Союза.

"Промышленное освоение железорудных богатств находится в центре внимания областной партийной организации", - сказано на одной из страниц.

Да, ничто не приходило само собою - все требовало напряженных усилий. И создание новых трестов, новых институтов. И строительство рудников, железнодорожных линий, жилых домов. И совершенствование процесса добычи руды.

Вспоминается лето 1959 года. Жаркое лето... На пленум обкома вынесен вопрос "О ходе выполнения постановления XXI съезда КПСС о строительстве горнорудных предприятий на месторождениях Курской магнитной аномалии". Накал обсуждения

огромен. Партийная требовательность, партийная принципиальность - все в полной мере. И как много это дало... Глубокий, научный анализ позволил вскрыть ошибки, определить резервы. Основательно досталось руководителям трестов "КМАрудстрой" и "Белгородрудстрой" - они заботились прежде только о выполнении планов в денежном выражении, распыляли людские и материальные ресурсы по множеству объектов, забывали о трудовой и государственной дисциплине, о культуре производства. Партком комбината критиковали за слабый контроль над хозяйственной деятельностью, за принижение роли социалистического соревнования. Постановление пленума стало программой всеохватывающей, долговременной операции, цель которой - крутой подъем всей работы. Главенствующее место в этом плане занял ввод в эксплуатацию Лебединского рудника. Пуск его должен был в первый же год дать стране полтора миллиона тонн богатой железной руды.

Пленум проходил в августе. И тогда же он, Коваленко, перенес свой рабочий кабинет на ударную стройку. С рассвета и до ночи держал руку на пульсе жизни. Знал в коллективе чуть ли не каждого - кто как работает, кто чем дышит. Нет, непосредственных руководителей не подменял - вреднее этого нет ничего. Быть там, где решается успех, способствовать ему день за днем, в жаркой трудовой атаке увлекать за собою людей, вместе с ними преодолевать трудности и преграды - что есть выше, заманчивее, благороднее для работника партии?

17 декабря 1959 года горняки добрались до первой богатой руды Курской магнитной аномалии. А в самые последние, предновогодние дни из Лебединского карьера ушел эшелон в Липецк.

КМА - это годы, равные десятилетиям. КМА - школа решения задач государственного значения.

КМА - академия, в которой им постигалось высокое искусство сочетания партийной работы с хозяйственным руководством.

"Партийный руководитель, если не хочет отстать, должен учиться всю жизнь",- пишет Л. И. Брежнев.

Такая она, эта работа. Учи и учись сам. Иди к людям, и пусть они к тебе идут. Понимай людские нужды, людские характеры и старайся, чтобы понимали тебя они.

Главнее этого наверное нет ничего.

Сколько уже лет в Оренбургской области - полтора десятка, а Белгород и Белгородщина не забыты. На пленумах ЦК, на сессиях Верховного Совета непременно отыщет давних своих знакомцев - разузнает, расспросит про все и всех. В разгар посевной или уборочной, когда дел особенно много, снимет трубку телефона и...

- Как дела идут? Справляетесь? В чем трудности?

Не праздного любопытства ради звонит и спрашивает - частицу сердца своего там оставил. К тому же люди, которые руководят областью сейчас, для него не посторонние. Одного из нынешних крупных партийных руководителей разглядел, еще когда тот директорствовал в МТС, другого - в бытность его комсомольским секретарем, третьего - в беспокойно-задиристом комсомольском прожектористе. Это по-особому дорого - открыть деятельного работника, помочь ему проявить себя, развернуться в полную меру.

Как избежать искушения подчеркнуть слова из "Возрождения", если удивительно созвучны они выводу, который сложился в итоге его собственной практики:

"Вообще, замечу, память на людей, особенно на хороших людей, у партийного работника является и человеческим долгом, и профессиональной обязанностью. Общение с ними всегда необходимо. Оно обогащает партийного работника, укрепляет его связь с жизнью, помогает, как говорят, из первых рук узнать замыслы, интересы, нужды людей. Наконец, просто приятно бывает открыть для себя хорошего человека - рабочего, колхозника, строителя, агронома, художника, журналиста, ученого. Я никогда не жалел на это времени, да и сам характер партийной и политической работы, к счастью, способствует этому".

Слышите: К СЧАСТЬЮ!

Настоящее счастье для партийного работника - видеть свое продолжение в людях, которых открыл, воспитал, вырастил...

. "Край плодороднейших пахотных земель и лесов, край садов, позволивших великому Мичурину назвать его садоводческие районы "вторым Крымом", стал знаменитым на всю страну и железорудным | жраем..."

Это из той же его белгородской книжки. Ни разу не встретишь в ней местоимения "я"; всюду - ."областная партийная организация", "областной комитет партии", "трудящиеся области". Но кому не понятно, что в каждом успехе на хозяйственном фронте и в каждом зерне партийного опыта его, первого секретаря, труд - труд политика, организатора, воспитателя, который в ответе за все?..

Страница восьмая: ЗА ВСЕ В ОТВЕТЕ

"Полтавщина вовек мне дорога, и Харьковщина в моем сердце, и Белгородщину, сколько жить доведется, не забуду. Но пусть ни земляки мои, ни харьковские друзья-товарищи, ни белгородцы не таят обиды: по-настоящему заполонило меня Оренбуржье - край огромный, суровый и прекрасный. Как сказал про него Аксаков: "Чудесный край, благословенный, хранилище земных богатств..." "

Помните, упоминал в самом начале о том, что собирается герой моего повествования в поездку - туда, где жизнь начиналась?

И вот поездка состоялась - всего несколько дней как вернулся. Не было другой такой в жизни. Поездки радостной и... трудной... да еще какой трудной!..

Одно дело, когда едешь в гости к родне, другое - когда там, в навек дорогих местах, где мальчишкой босоногим бегал, где все-все впервые было, стоит на постаменте твой бюст, а люди переводят взгляд с бронзового лица на живое и меряют тебя, всю жизнь твою самой высокой мерой.

Только тот, кто этого не пережил, подумать может, что такая встреча - дело простое, легкое. Испытает - узнает!

Рука сама собою тянется к маленькой шкатулке - она всегда на его рабочем столе. Открывает... берет щепотку земли... переминает пальцами... Земля с могилы отца - будто кровью его напоенная...

- Спрашиваете - какие вопросы задавали? чем особенно интересовались? Судите сами. Вот записки...

Встречаться доводилось и в обстановке, так сказать, официальной, когда вопросы задают не только устно, но и в письменном виде. Письменные я сберёг...

Коваленко дал мне возможность пробежать глазами десяток-другой записок, а потом будто подытожил то, что прочесть я уже успел:

- Больше всего спрашивали меня об Оренбуржье... И посмотрел на меня с чувством горделивым.

- На все вопросы ответить сумели?

- Старался.

- Трудно было?

- Сами понимаете...

Но тут же, предупреждая просьбу, которая готова была у меня вырваться, сказал:

- Все, о чем говорил, и в книжках моих есть, и в статьях, которые печатались. В наше время партийный работник и партийным публицистом становится: идеи коммунистические мы в жизнь проводим, а практику строительства социализма, коммунизма обобщить стараемся - для общей пользы.

...А ведь это, пожалуй, мысль: посмотреть на область его глазами.

Оренбуржье, о тебе слово, о твоей жизни речь. А для начала, как водится, - история...

- За несколько месяцев до Октябрьской революции, летом 1917 года, вышел учебник "Курс географии России". В очерке, посвященном Уралу, о промышленности Оренбуржья говорилось только то, что есть, мол, здесь Илецкий соляной промысел, всем известный. И ничего больше!

Да, на территории губернии не было тогда ни одного мало-мальски крупного предприятия. По официальным статистическим данным, рабочие составляли всего четыре процента населения.

Губерния была сельскохозяйственной. Далеко за пределами России знали об оренбургской пшенице и платках, связанных из козьего пуха искусными мастерицами.

Еще в 1862 году на крупнейшей в то время Лондонской международной выставке наша пшеница удостоилась золотой медали. Еще бы - содержание белка в ней достигает 20 процентов, в то время как мировой стандарт по белку составляет 12,5 процента. Она и в самом деле прекрасная, пшеница оренбургская. Крупное, тяжелое зерно, вызолоченное солнцем, прокаленное знойными степными ветрами, словно изнутри светится...

Но что из этого, если оставалось земледелие на уровне первозданном? Даже в 1913 году - много лет спустя - на сотню гектаров обрабатываемых земель Оренбуржья приходилось лишь 15 деревянных борон да 7 деревянных плугов. Соха и сабан, лукошко и серп, коса и цеп - вот основные орудия, которыми располагал хлебопашец.

Примитивная агротехника не позволяла крестьянину бороться с засухой и суховеями - этими извечными врагами оренбургского земледельца. Урожай в 3-4 центнера с гектара были обычными. В иные годы не собирали даже семян. За 65 лет, предшествовавших Октябрьской революции, сельское хозяйство губернии 25 раз подвергалось губительному воздействию жестоких суховеев. Гибли посевы, наступал голод. Крестьяне вымирали, многие бросали обжитые места и уходили куда глаза глядят. Л. Н. Толстой в одной из статей писал: "Проехав по деревням..., я, всегда живший в деревне и близко знающий условия сельской жизни, был приведен в ужас тем, что я увидел: поля голые там, где сеяли овес, просо, ячмень, лен, так что нельзя узнать, что посеяно..."

Не стану приводить статистические данные о состоянии культуры, народного просвещения, здравоохранения- они схожи с тем, что в царской России было всюду, а Владимиром Ильичем Лениным характеризовалось как патриархальщина, полудикость и самая настоящая дикость. Но и на этом фоне Оренбургская губерния считалась, пожалуй, одним из захолустных, темных, глухих углов. Не случайно царское правительство избрало ее местом ссылки. Еще в 1820 году сюда отправили 276 солдат гвардейского Семеновского полка, расформированного после восстания. В гарнизонах края отбывали солдатчину Тарас Шевченко, Алексей Плещеев, Зыгмунт Сераковский, сюда ссылали народовольцев, членов ленинского "Союза борьбы за освобождение рабочего класса"... Оренбуржье, край горемычный, край слез...

Тут провел десять лет солдатчины наш Кобзарь. Из конца в конец прошел горькими дорогами оренбургскими, до дна испил чашу страданий, но на поругание супостатам самое для него дорогое не отдал.

Думи моГ, думи моГ,
Ви мен един!,
Не кидайте хоч ви мене
'При лих!й годин!.
Прилггайте, сизокрил!
Моі голуб'ята,
Із-за Дншра широкого
У степ погуляти
З киргизами убогими.
Вони вже убог!,
Уже гол!... Та на вол!
Ще моляться богу.

Прил!тайте ж, мо! люб!,
Тихими речами
Прив!таю вас, як д!ток,
І заплачу з вами.

Это здесь написано - тайком от тех, кто ревностно следил, чтобы не нарушал Тарас запрет царский: писать и рисовать.

Шевченко... О нем помнят в Оренбуржье, память его почитает стар и мал. Свой он тут, родной.

Недавно я листал оренбургскую газету "Смычка" за 1925 год. И вот читаю: "Прибывшие в распоряжение "Россельсклада" первые 10 тракторов будут собраны на станции Оренбург II и оттуда в 4 часа 30 минут отправят автомобилем на склад". Первые десять! А уже в 1929-м было завезено девятьсот. Сегодня же тракторов в области за тридцать тысяч, комбайнов более двадцати тысяч, грузовых автомобилей еще больше - и это никого не удивляет, это в порядке вещей. Как и рост мощности сельскохозяйственных машин. Один только К-700 заменяет собою упряжку в 200 лошадей. А таких "упряжек" у нас за две тысячи.

В трудную весну 1921 года Владимир Ильич говорил о необходимости заготовить 400 миллионов пудов зерна. По всей стране! А в 1976 году только колхозы и совхозы нашей области дали стране 310 миллионов пудов хлеба, в основном пшеницы.

Хлебное поле области протянулось от истоков сибирской реки Тобол чуть ли не до самой Волги - почти на тысячу километров вдоль южной кромки Уральского хребта. Пожалуй, лишь с борта космического корабля можно окинуть взглядом бескрайние массивы оренбургской пшеницы. Из "здешних" могли видеть их во всем величии Юрий Гагарин, в Оренбурге обретавший крылья, и его тезка - земляк оренбуржцев Юрий Романенко, прославленные герои-космонавты.

Все познается в сравнении. Так вот, сравнивая, мы обнаруживаем, что в Оренбуржье пшеницы сеют больше, чем в Федеративной Республике Германии, Англии, Ирландии, Бельгии, Нидерландах, Швеции, Финляндии, Дании, Норвегии, Австрии и Швейцарии - одиннадцати странах, вместе взятых. Особенно выросли посевные площади за годы освоения целинных и залежных земель. Один миллион восьмьсот тысяч гектаров новых земель прибавились здесь к хлебному полю в 1954-1955 годах. Теперь на долю зерновых приходится пять миллионов гектаров пашни. Это в три с лишним раза больше, чем в довоенном 1940-м.

За подъем целины область получила первый орден Ленина. Второй - за подвиги на хлебной ниве в годы последующие.

- Легкого хлеба не бывает... Вроде бы каждый год одно и то же: посеи, вырасти, убери. Конечно, каждая жатва в основе своей похожа на предыдущую. Только при всем сходстве работ всегда есть в ней свое, неповторимое. Свои трудности, свои заботы, свои сюрпризы.

"Человек растит хлеб. А хлеб растит человека. Воспитывает и проверяет его на зрелость и мужество. И это так же вечно, как мир. Вслушайтесь в слово "страда". Оно дышит огнем, зноем боя. Земледелец - как солдат на войне. Войны нет, но хлебный фронт никогда не кончается..."

Расул Гамзатов к нам в Оренбуржье не приезжал, а ведь будто на оренбургской жатве побывал. Очень уж эти его слова правильные!

- Год 1976-й вспоминать мы будем долго. Каких только испытаний не уготовила нам природа.

Необычно сухая осень 1975 года, когда земля, казалось, превратилась в камень и не выдерживали лемеха плугов... Малоснежная морозная зима... Затяжная холодная весна... А в придачу, под самый налив зерна, страшной силы суховей на востоке... И дожди чуть ли не с первого дня жатвы - это в довершение всего...

Но все преодолели, все выдержали. Продуманная агротехника, высокая культура полей, труд и мастерство хлеборобов решили успех дела.

И вот настал час, когда степь ожила тысячами моторов: началась первая жатва после XXV партийного съезда. "Наиболее актуальная задача - рост зернового производства,- сказал на том съезде Леонид Ильич Брежнев.- Это ударный участок работы сельских коммунистов, всех колхозников и работников совхозов". Само собою разумеется, всем и каждому хотелось внести в хлебное богатство страны как можно больший вклад.

По-настоящему массовым стало движение механизаторов за высокопроизводительное круглосуточное использование уборочной техники. По примеру Героя Социалистического Труда Владимира Николаевича Кособуцкого четыре тысячи мастеров уборки вывели на поля уборочно-транспортные звенья. С первого дня между ними разгорелось соревнование, свои обязательства выполнило каждое.

Еще одна примечательная особенность Жатвы-1976: на хлебную ниву вышло более двух тысяч семейных агрегатов и звеньев. В колхозах и совхозах сложилась прекрасная традиция, когда рядом с отцом или матерью работают сыновья и дочери, когда в одной загонке ведут комбайны братья и сестры. В таких семейных коллективах, как пра-вилось, заметно выше производительность труда, бережнее используется техника. Это одна из лучших, наиболее действенных форм наставничества.

Вспоминается такое. Лидия Лукьяновна Долинина, механизатор опытный, возглавила звено, в которое вошли ее муж, Владимир Егорович, и их сын - десятиклассник Геннадий. Старший сын Долининых, Александр, участвовавший в весеннем севе вместе с отцом и матерью, был призван в Советскую Армию. Перед началом жатвы он прислал письмо: "Как наше поле, мама, помнишь, за речкой Каргалкой, где мы пшеницу сеяли?" Лидия Лукьяновна ответила, что на поле, засеянном Сашей, стеной стоит пшеница, что на комбайне его сменил младший братишка и что втроем они будут работать и за него. Но получилось так, что по ходатайству военкомата Саше дали кратковременный отпуск. "Я никогда не думал,- сказал парень в душевной беседе,- что мне так не безразлична и дорога честь хлебороба, что так будет болеть душа о своем поле..."

В том году каждые сутки жатвы пополняли хлебные хранилища 100-120 тысячами тонн зерна. Страна получила от оренбуржцев более пяти миллионов тонн хлеба. Вот он оренбургский каравай!

- И все же первое слово не о золоте пшеницы, а о золоте рук и сердец. А коль так, то нельзя не рассказать о Чердинцеве.

Человек он в полной силе, хотя за плечами уже тридцать пять уборочных. В тяжелом 1942 году пятнадцатилетним мальчишкой принял комбайн от старшего брата, который уходил на фронт, и с тех самых пор несет свою вахту на поле. . Когда в Сакмарском районе появились первые самоходные комбайны, один из них доверили Василию Макаровичу. В первый же сезон досконально его освоил - как говорится, постиг до конца. И недостатки уловил. Тут же о них и написал - тем, что комбайны строят. Учтите, мол, замечания, исправьте свои промахи. Потом на смену СК-3 пришел более совершенный СК-4. И снова одним из первых повел его по колхозным полям Чердинцев. Поработал на нем лето-другое и снова отправил комбайностроителям подробный разбор машины, сказав и о плюсах ее, и о минусах. Как-то зимою в адрес комбайнера пришло письмо с прославленного "Ростсельмаша". Его звали на завод. Предоставили механизатору трибуну - в зале все руководство предприятия, инженеры, конструкторы, ученые. Шаг за шагом, узел за узлом разбирали Василий Макарович технику, которую успел познать в совершенстве. Слушали с огромным вниманием. А когда сошел с трибуны (как раз и перерыв объявили), к нему подошел ведущий конструктор.

- Так вы, оказывается, по образованию инженер-механик?

- Нет, просто комбайнер, специального образования получить не смог...

- Мышление у вас инженерное,- проговорил конструктор.- А это самое главное...

"Наш испытатель",- так отзываются о прославленном хлеборобе в колхозе "Рассвет". И действительно, он обкатывал машины не одной марки: и "Сибиряка", и "Ниву", и "Колос". Когда в колхозе задумали механизировать заготовку кормов, председатель прежде всего посоветовался с Чердинцевым. Василий Макарович дал

добрый совет: переоборудовать старые, списанные СК-4. Сам же свое предложение и осуществил. Машины, которые ждали отправки в металлолом, стали подбирать скошенную траву, измельчать ее и силой воздушного потока перебрасывать в тележки.

Пятнадцатилетним принял он механизаторскую эстафету от старшего брата. А сам передал ее братьям младшим - Петру и Гавриилу. Подросли сыны - сынам надежную профессию дал. Племянников к механизаторскому делу привлек. В общем, сейчас в Сакмарском районе на машинах работает 20(!) Чердинцевых. Как не сказать тут, что старший сын Василия Макаровича - Григорий стал одним из лучших молодых комбайнеров страны, награжден орденом Трудового Красного Знамени и второй уже раз избран членом Центрального Комитета ВЛКСМ.

Несколько лет тому назад в гостях у оренбуржцев был летчик-космонавт СССР дважды Герой Советского Союза Владимир Александрович Шаталов. От имени земледельцев области Чердинцев вручал ему хлеб-соль. С почтением говорил тогда прославленный космонавт о замечательных людях, которые совершают свои "витки вокруг земного шара"... на полях. А ведь так оно и есть: если сосчитать все земные километры одного нашего Макарыча, то космический виток получится, а то и два наберется.

Родина щедро отметила механизаторский подвиг Чердинцева, присвоив ему звание Героя Социалистического Труда. Ему присуждена Государственная премия СССР. Он член областного комитета партии, член Союзного совета колхозов, заслуженный механизатор РСФСР, дважды избирался депутатом Верховного Совета страны. На XXV съезде его избрали членом Центральной Ревизионной Комиссии КПСС.

Вот он каков - колхозник с хваткой рабочего, со знаниями инженера, государственный и партийный деятель.

Люди - наше главное богатство. Богата такими людьми, выросшими в годы Советской власти, воспитанными партией и комсомолом, земля оренбургская!

Прямо за Николаевкой пролегли неохватные трубы газовой магистрали. И по харьковской земле они протянулись - по местам, где воевал-партизанил, где жизнь после войны возрождал. Могучая газовая река по имени "Союз". А берет она начало под Оренбургом. При нем начиналась, при нем "русло" прокладывать стали и - проложили: до самой Западной границы СССР. "Оренбургский обком партии" - этот адрес знают теперь во всех странах СЭВ, создавших это межконтинентальное чудо, сообща решивших задачу огромной интернациональной важности.

Из кабинета первого секретаря Оренбургского обкома КПСС видна вся необозримая, гигантская трасса, как немного раньше просматривалась безграничная, многоязыкая строительная площадка.

Но вернемся к его, Коваленко, заметкам, его публицистике.

- Богатырские шаги пятилеток край преобразили неузнаваемо.

Планомерное изучение недр Оренбуржья развернулось еще в тридцатые годы. Были разведаны крупные месторождения железной, никелевой, медной руд. Пошла нефть из первых скважин, пробуренных в районе Бугуруслана, - на южном участке той обширной провинции, которую потом назвали вторым Баку. Позднее к уже известным земным кладам прибавились другие богатейшие залежи рудных ископаемых и нового для наших мест минерала - асбеста, или "горного льна".

Но поистине выдающееся значение имеет Оренбургское газоконденсатное месторождение. Немного лет прошло с того дня, когда скважина № 13, которую пробурила бригада Степана Дмитриевича Иванова в пятидесяти километрах от Оренбурга, у села Городище, дала первый газ. Случилось это 6 ноября 1966 года. А сегодня об Оренбургском газовом комплексе знает весь мир.

В чем необычность месторождения? В запасах его. В местоположении - открыто оно в обжитом районе. В содержании газа - в нем много ценнейших компонентов, переработка которых дает серу, гелий, конденсат и другое, стране нужное. В возможности легко состыковывать этот газовый комплекс с другими действующими магистралями, прежде всего такими, как Бухара - Урал и Средняя Азия - Центр.

Но сама же природа поставила на пути освоения бесценного клада заслон грозный. Кто этот "дракон"? Сернистый газ агрессивен, он очень быстро выводит из строя оборудование и трубопроводы, использовать его без очистки и осушки нельзя, не-, возможно. Нужно было построить крупное предприятие для очистки газа от сероводорода. "Создать в Оренбургской области новый крупный район по добыче и переработке газа..." Так записано в Директивах XXIV съезда КПСС. Опыта строительства подобных предприятий по переработке сернистого газа в стране не было. В самом "рочном порядке предстояло передислоцировать на берега Урала, на так называемый Оренбургский бал, буровые бригады и разведочные экспедиции, создать новые строительные и монтажные тресты, "подготовить для них промышленную базу, обучить ясячи людей, дать им квартиры, школы, магазины, - львицы.

На десятках километров развернулась стройка. В стужу и зной бурили скважины, обустроивали промыслы, прокладывали трубопроводы, поднимали заводские установки. И вот настал миг, когда по радио прозвучал приказ: "Всем строителям, всем монтажникам покинуть площадку первой технологической линии!" Зимний солнечный день 6 февраля 1974 года войдет в историю страны и память людскую как день рождения Оренбургского газового комплекса. Именно тогда в магистральный трубопровод были поданы первые тысячи кубометров очищенного газа нового месторождения.

В 1975 году вступила в строй вторая очередь этого крупнейшего предприятия, рассчитанная, как и первая, на переработку 15 миллиардов кубометров газа в год. Его потребителями стали Москва и Куйбышев, Башкирия и Татария.

Но это было только начало. XXV съезд развил поставленную ранее задачу, подчеркнув, во-первых, необходимость дальнейшего формирования "крупного промышленного комплекса по добыче и переработке газа на базе Оренбургского газоконденсатного месторождения", и во-вторых, строительства в десятой пятилетке с участием стран - членов СЭВ "газопровода к Западной границе СССР". Преодолев большие расстояния, оренбургский газ получил выход на международную арену.

Как сказал наш поэт:.

Стал он гордостью настоящей, Оренбургским гербом литым - Ярким пламенем горящий Рядом с колосом золотым.

После окончания стройки мощность предприятия по добыче и переработке газа достигла 45 миллиардов кубометров в год. Совсем недавно, в 1960 году, столько давала народному хозяйству вся газовая индустрия СССР.

- На земле оренбургской сегодня действует около ста крупных предприятий. Это Орско-Халиловский металлургический комбинат, Южуралмаш-завод, Ириклинская ГРЭС, Медногорский медно-серный комбинат и многие другие. На месте печально знаменитой Орской крепости вырос большой современный город Орск. За годы пятилеток появились совершенно новые города Медногорск и Ново-троицк, возникли и приобрели городской облик Ясный, Светлый, Гай, набрали силу Бузулук и Бу-гуруслан. Второе рождение переживает Оренбург, население которого приближается к полумиллиону человек.

Это поистине так: "чудесный край благословенный, хранилище земных богатств"! Земных, подземных - всяких...

Член Центрального Комитета КПСС.

Депутат Верховного Совета СССР.

Первый секретарь Оренбургского обкома партии. ' Пять орденов Ленина. Орден Октябрьской Революции. Три ордена Трудового Красного Знамени. Два ордена Красной Звезды.

Дважды Герой Социалистического Труда.

...Это из его сегодняшней анкеты. А в анкете, всем известно, только "самое-самое" указывается - Ничего больше.

Мой собеседник раскатисто смеется.

- Вот на Полтавщине мне вопросы задавали - не раз затылок почешешь, пока ответ на них дашь.

И вдруг умолкает. Смотрит куда-то вперед.

Дума глубокая - не прервешь.

Но про то, с чего начали, он помнит. И после долгой паузы - паузы-раздумья - к тому же, раньше начатому, возвращается.

- Старый друг-приятель - мужик умный - спросил меня в Николаевке: "Какая сфера твоя сейчас, Сашко?" Вот это вопрос: "Сфера..."

- И как вы ответили?

- Так и ответил: "Люди... Была и есть у меня одна сфера - люди... Другой себе не желаю!"

- Доволен остался?

- Не отстал - новый вопрос задал: "А за что ты конкретно отвечаешь?" Да уточнил еще, чтобы я так просто не вывернулся: "Там, в твоей области... где секретарем..."

- Вопрос серьезный...

- Ответил по совести: "Да за все отвечаю, товарищ мой и брат кровный. За то, что есть, и за то, что быть должно". Взял на себя лишку? Пожалуй, нет. Так и жить стараешься - с ответственностью за все. Взваливай на себя ношу потяжелее - другим идти станет легче.

- Принял ответ? Земляк ваш?

- Знаете, принял... И понял до конца... "Трудная у тебя работа, Сашко,- сказал он, а потом добавил: - Ты уж там постарайся, не урони!"

И снова пауза - из тех, что слов красноречивее.

- Вот он, советский патриотизм... интернационализм советский... Не про свое только думают - про все на нашей земле. И не село свое, одно-единственное, во внимание принимают - всю державу, весь мир. "Ты уж там постарайся, не урони!"

... - На тот год по партизанским местам пройти-проехать охота. Уж выберу недельку, когда с делами хлебными управимся... Всей семьей пройти-проехать: с Евдокией Федоровной, с дочками, внуками, правнуками. Я бывал там после войны, это понятно. А вот вместе, семьей... Молодым да малым, что войны не нюхали, что с горем-бедою не знакомы, все знать нужно, ко всему высокому сердцем прикоснуться... Легко поднялся, застегнул пиджак.

- По области поеду. Много дел сейчас решаем. А когда выходили, с явным удовольствием сказал:

- Люблю я по земле ходить-ездить, с людьми встречаться. Главная наша сфера, как ни говори,- они. Люди...

Страница девятая : ШАГИ КОММУНИСТА

С людьми... О людях... Для людей... Да, главная для него, партийного руководителя, "сфера" - они, люди!

Преыдущую, восьмую, "страницу" своего непридуманного, строго документального повествования я писал как последнюю, заключительную. Жизнь продолжается, и это прекрасно, но, рассуждал автор, всякая книга имеет не только начало, а и конец. Значит, пора ставить точку.

Однако с героем своим - тем более героем из реальной нашей жизни - писателю расставаться всегда трудно.

И потому я душевно рад представившейся мне возможности рассказать читателю о том, что видел и слышал в последние месяцы прожитого нами 1978-го.

В начале октября из Оренбуржья пришла весть: государству сдано пять с половиной миллионов тонн зерна.

Самое большое хлебное поле России поднесло Родине самый весомый пшеничный каравай - наибольший в РСФСР.

От имени партии и народа сердечное спасибо оренбургским земледельцам сказал Леонид Ильич Брежнев.

Таков итог страды, опыт которой долгое время будут изучать повсюду, готовя себя к новым генеральным сражениям на хлебной ниве.

Мои блокноты переполнены торопливыми записями, сделанными у комбайнов, в кабинах автомашин, на хлебоприемных пунктах, в райкомовских кабинетах... в общем, повсюду, куда забрасывал меня жадный интерес к жизни. Сейчас перелистываю исписанные листки, и вижу: по многим из них, а практически через каждую запись, проходит тот, о ком эта книжка. Преувеличиваю? Нисколько! Самые оперативные из пишущей братии, приезжая в район,- как им думалось, "первым эшелонем",- тотчас узнавали, что Коваленко побывал здесь несколькими днями ранее, и ощущали этот его приезд на каждом шагу. За время уборки и хлебосдачи он объездил всю область. А область такая, что только на самолете пересечь ее с запада на восток полтора часа требуется, ну и с юга на север ненамного меньше. Но это в самолете. Хлеб же, как известно, растят на земле. Тысячи километров проехал "первый", со множеством людей встречался. Одних похвалил, других подбодрил, третьих распек, и не было случая, когда бы пропустил мимо ушей критику, предложение, просьбу. Даже "самую личную" просьбу...

Хлебоприемный пункт в Пугачах. Машины за машинами: одни подходят, другие отъезжают. Конвейер непрерывный.

- Катит!

Фатрахман Мурсалимов ставит под разгрузку свой автопоезд. Это действительно поезд: 34 тонны за раз. Зерно из Беляевки - литое, отборное.

- Много его там... поторопитесь, братки,- просит шофер на приемной площадке. Просит больше для порядка - работают и без того проворно, на совесть, убеждался в этом не раз.

Но теперь и впрямь разгружают скорее. Кузовы опоражниваются в мгновение ока. Еще несколько минут на оформление документов и - за новым грузом.

А вот тут выходит задержка. Чего девчата такие нарядные? И цветы в руках? И главный автомобильный начальник Фесенко? Зампредоблисполкома Кокорин? Произошло что-то важное?..

И вдруг - плакат на стене. Его имя, его фамилия. По центру цифра "50". Да, сегодня 26 августа - день рождения, который он всегда "переносит" на месяц-другой: угораздило же родиться в самую жаркую для водителя пору!

Его большущие руки не привыкли держать цветы. Мурсалимов оторопело смотрит на товарищей, которые собрались в круг. Неловко принимает папку с золотым тиснением - Почетную грамоту обкома и облисполкома, новенькие часы - самого точного хода, электронные. Аплодисменты, аплодисменты...

- Спасибо,- говорит Мурсалимов.- Спасибо...- И добавляет просительно: - Хватит про это, ехать пора - хлеба там много!

Это известно всем. Автопоезд трогается с места, сопровождаемый "почетным эскортом" - машинами, отправляющимися в свои колхозы и совхозы за новыми тоннами зерна.

Спрашиваю Анатолия Матвеевича Кокорина, как узнали о юбилее Мурсалимова - празднике в общем-то семейном.

- Вчера Коваленко позвонил. Из Беляевского района. "У нашего Фатрахмана юбилей, откладывать с поздравлениями не будем... Прямо в Пугачах и организуйте..." - И уже вопрос ко мне: - Неплохо прошло? Не казенно? Сейчас буду Александру Власовичу докладывать, он на восток поехал.

Почти сорок тысяч машин хлеб перевозят. Половина - оренбургские, другая - из подкрепления.

Сто пятьдесят шесть эшелонов с автомобильной техникой в область пришло - из Москвы, Ленинграда, Перми..., из военных округов, ближних и дальних...

При мне раздался звонок из Министерства обороны:

- Товарищ генерал, докладываю...

- Я только майор запаса,- откликнулся на шутку действительно генерала тот же Кокорин, возглавляющий одиннадцатую уборку подряд областной оперативный штаб по использованию техники перевозок.

Но, как говорится, в каждой шутке есть своя правда. В распоряжении этого сугубо мирного штаба машин не меньше, чем в десятке дивизий полного состава.

Обстановка в этом штабе, как в настоящем, фронтовом: оперативные планы... карты со стрелами и флажками... донесения по телетайпу, телефону, нарочными... Звучат слова из военного лексикона: дислокация-передислокация, марш-бросок, направление главного удара.

И не один раз на день слышат "штабисты" голос Коваленко.

...- Был в Первомайске, сейчас в Курманаевке. Нужна техника. Предлагаю: эшелон из Киевского округа разгружать в Бузулуке. Куйбышев проследовал? Вот и хорошо - часа через два будет. И сразу - половину в Первомайский, а вторую - сюда. Распорядитесь, пусть людей накормят как следует. Да чтоб каждому - для начала - добрую краюху нашего калача и крынку молока...

...- Пришел эшелон, что 25-го из Москвы вышел? Где задержка была? Сообщите в Минпуть - непорядок у них, пять часов потеряли. Какие машины? Народ какой? Настроение?.. А квасом с дороги напоили?.. Звоните в район, чтоб встретили-приветили. Шоферам выспаться надо с рассветом возить хлеб...

...- С хлебоприемного звоню. Свяжитесь с Октябрьским. Водители говорят: долго загружают. Пусть проверят погрузчики на токах... В совхозе имени Попова овощей не дают. Лично выясните. Сегодня. Сейчас. Утром доложите мне. И пресс-центру подскажите: пусть не забывают про внимание к людям!.. О дозаправке на шарлыкской трассе распорядились? Как будет организована? Правильно решили вопрос... Ну, здравия желаю!

Это только те "звонки", которые были при мне и попали в мой блокнот.

Встреча в Первомайском районе.

Он один дал за год 22 миллиона пудов хлеба - больше, чем любой другой в области.

Только что прибыла телеграмма из Звездного; вот она, переписана дословно:

"Оренбургская область, Первомайский район, совхоз "Уральский"
ХАИСАНОВУ НУРСАХИ

С большим удовлетворением узнали о рекорде молодых хлеборобов оренбургской нивы.

Особенно радуется, что вчерашние и сегодняшние школьники под руководством опытного наставника пятью комбайнами за сутки намолотили 5581 центнер зерна со 182 гектаров.

От всей души поздравляем Вас и членов звена комсомольцев Валерия Локтева, Николая Артемьева, Владимира Роота, Валерия Чигаева, Сергея Мусалимова, Владимира Свечникова, Камиля Абдугалиева, Жаксыгереева Акапашева, Вашу дочь Ольгу с большой победой на Жатве-78.

Желаем Вам крепкого здоровья, дальнейших успехов в производстве сельскохозяйственной продукции и осуществлении исторических решений июльского Пленума ЦК КПСС.

Владимир Джанибеков, Олег Макаров,

Герои Советского Союза,

летчики-космонавты СССР",

Рекорд был установлен накануне.

Из района позвонили о нем в обком.

Успехами в эту пору тут не удивишь никого.

На стол Коваленко рапорт лег в стопке со многими другими.

Но именно он оказался тем, который привлек наибольшее внимание. Почему? По 1100 центнеров на комбайн - выработка выдающаяся. А для такого звена тем более. Большинство в нем - недавние выпускники школы, некоторые - еще ученики, год-два быть им школьниками. Средний возраст, если включить в отчет и годы Хайсанова (ему под сорок), - всего 20 лет. Опыта настоящего нажить не успели, все, решительно все впереди - и вот такой успех.

- Космический результат у звена,- сказал кто-то из секретарей.

- И приветствия они заслужили космического! - тотчас отозвался Коваленко. о Телеграмма из Звездного прийти не замедлила.

Ребята, читая ее, были, как говорится, "на седьмом небе". Сдержанный Нурсахи радовался вместе со всеми.

- Осенью, после уборки, к космонавтам поедем, а? - вдруг спросила Оля.

- Поедем, наставник? - встрепенулись ребята.

- На одном рекорде далеко не уедешь,- ответил Хайсанов.- Вечером поговорим о новом обязательстве.

На том собрании я был. Возможности подсчитывали со всем тщанием, спорили по каждой цифре. В конце концов решили довести намолот до 100 тысяч центнеров - 20 тысяч на комбайн. Посоревноваться с самыми опытными, самыми знаменитыми...

Телеграммы об этом ушли в обком партии и, конечно, в Звездный.

Потом читал и рапорт: намолотили не 100, а ПО тысяч. Рекорд стал показателем обыденным. Ученики в мастера вышли - и произошло это за один год.

Подводя итоги уборки, Коваленко похвалил Нурсахи с его питомцами особо.

На всю область...

Еще одна запись, в Первомайском сделанная. Как раз тогда она появилась, когда "Первомай-ка" выходила из обмолота, а в районе другом, где хлеб подошел позднее и теперь все решали дни, работы для комбайнеров оставалось много.

- Ну, Евгений Николаевич, страда заканчивается? - спросил Коваленко всем в Оренбуржье известного комбайнера Манина.- Можно и отдохнуть?

- Обязательства выполнили, Александр Власович. По всему району валки обмолотили. Чисто!

- Двадцать пять тысяч на комбайн... Не бывало еще такого, правда?

- Не бывало,- согласился собеседник.

- А давай, коль нечего делать, по полям прокатимся,- предложил Коваленко комбайнеру.

"Волга" набрала скорость. Окончательно понял все Манин, когда подъехали к массиву пшеницы курманаевского колхоза имени Ленина.

- Так как, в санаторий или вокруг Европы? - раскатисто засмеялся секретарь. И уже вполне серьезно проговорил: - Получай поле, Евгений. Раздолье-то какое... По рукам?

- Косить-подбирать тут в самый раз,- вместо ответа сказал Манин.- Подкиньте назад, комбайны перегнать надо, да побыстрее. С рассветом и начнем...

На этих полях звено подошло к всесоюзному рекорду - 33 тысячам на комбайн.

Из телеграммы летчика-космонавта СССР Героя Советского Союза Юрия Романенко Герою Социалистического Труда Евгению Манину: "Поистине космических высот в уборке хлебов достиг ваш героический коллектив... Желаю вам, земляки, доброго здоровья, счастья и еще больших успехов в труде на благо нашей любимой Родины".

Хлеб - забота общая.

...Нежданно-негаданно для Сисембая Бисекенова к нему на поле в Соль-Илецком районе приехал первый секретарь обкома. Поздравил звено с успехом, поинтересовался, как идет работа, все ли ладно в семье, а потом вдруг спросил:

- Песни любите?

- Люблю,- отозвался Сисембай.

- "Подмосковные вечера" спел бы?
- Голос у меня... не того... А песня замечательная!
- Так вот, друзья-товарищи, автор песни про ваши успехи хорошо знает. И даже телеграмму прислал. Получайте. От Соловьева-Седого.

Прочли телеграмму вместе, вслух:

"Я, мои близкие, друзья-ленинградцы всегда с большим душевным волнением вспоминаем трудные военные годы, когда оренбуржцы приютили тысячи и тысячи граждан города Ленина, дали им кров и хлеб, по-братски делились с нами всем, что имели сами. И всегда ваши большие, в особенности за последние годы, успехи нас по-особому радуют. Мы гордимся вами и желаем еще большего процветания вашему краю...".

Бисекенов был взволнован. Потом он ответил композитору:

"Мы счастливы, что отличное оренбургское зерно идет во все уголки страны и хлеб, добытый нашими руками, питает дорогих ленинградцев..."

Завязалась переписка. Соловьев-Седой обещает приехать к молодым своим друзьям в гости. А они готовят подарки. Первый уже есть: члены звена стали пятнадцатитысячниками.

Телеграмм в область приходит все больше.

..."Горжусь творческими успехами своих коллег - самодеятельных артистов первомайской агитбригады "Нива" в культурном обслуживании хлеборобов района... Искренне желаю вам новых творческих удач. Людмила Зыкина".

..."Узнал о славных делах земледельцев Оренбургского района. Поздравляю с хорошим урожаем, желаю полного выполнения принятых обязательств... Академик А. И. Берг".

О хлебе пекутся не только механизаторы...

Что касается оренбургских работников науки, литературы, искусства, так большинство из них прописались в сельских районах на всю страду.

Владимир Кособуцкий, Герой Социалистического Труда, комбайнер из первых и запевала многих славных починов, сказал, обращаясь к А. В. Коваленко:

- Вы нынче такое соревнование разожгли, что я в первый раз боюсь за выполнение своих обязательств. Пло-ща-дей не остается, вот дело какое...

Секретарь обкома воспринял его слова как похвалу всей партийной организации Оренбургской области.

Я услышал их из уст Коваленко на авторитетнейшем совещании, посвященном подготовке к пуску третьей очереди Оренбургского газового комплекса и магистрального газопровода "Союз", что протянулся от Оренбурга до Западной границы СССР. Он так и сказал: "Соревнование на газовых наших стройках должно быть не менее боевым и ударным, чем то, которое развернулось в эти недели на уборке урожая".

Главное звено... Уметь выделить первостепенное... Сосредоточить внимание на решающих направлениях...

Что это значит?

Главное, первостепенное, решающее - работа с людьми.

Теми, кто хлеб растит и убирает, газовый комплекс и газопровод сооружает, уникальный комбинат "горного льна" и не менее уникальный прокатный стан к пуску готовит, вершит то, что всего более стране нашей требуется - и для жизни

сегодняшней, и для будущего.

Не случайно всюду в Оренбуржье можно прочесть сейчас лозунг: "Коммунистическому воспитанию - комплексный подход!" Именно на опыте коммунистов этого края, и прежде всего орденоносного промышленного Орска, родилось в августовские дни 1977-го постановление ЦК "Об осуществлении Орским горкомом КПСС комплексного решения вопросов идейно-воспитательной работы". Да, сделанное оценено положительно. Но недостатков тоже отмечено немало: и в идейно-политическом, и в трудовом, и в нравственном воспитании. Отмечено для того, чтобы над их исправлением работать - каждый день, каждый час...

Давно уже Коваленко в партии - к пятидесяти стаж его подходит. На партийной работе около сорока - районной, потом областной. Не первый раз в Центральный Комитет избран, в скольких съездах и пленумах участвовать довелось. Снова и снова возникает в памяти пленум ЦК в ноябре 1978 года. Как расширил он горизонты, сколько важных решений подсказал...

Университет постоянного, бесконечного совершенствования - такова она, работа партийца.

На востоке области начиналась жатва, но нельзя было забывать и о том, что близится срок пуска прокатного стана "800" на Орско-Халиловском металлургическом комбинате. Срок подходил, да не все ладилось. График трещал по швам... Решили: провести в Новотроицке выездное заседание обкома, пригласив на него руководителей министерств и ведомств, ведущих работы на площадке.

Заседание должно было состояться раньше, но... попросили отсрочки министры; каждый из них сослался на свои, вполне веские причины. Коваленко настаивать не стал. Тем более, что сразу убедился: на стройке появились ответственные столичные товарищи, и дело, похоже, выправится.

В эти недели подтянуть свою часть работ старался каждый: и заказчик, и генподрядчик, и многочисленные субподрядные организации. Партийные комитеты комбината и треста заметно усилили организаторскую и политическую деятельность в коллективах. По многим позициям положение приблизилось к вполне удовлетворительному.

Члены бюро съехались на заседание прямо с полей страды. Основания для критики, конечно, оставались, но уже можно было констатировать: темпы работ, их качество поднялись существенно. Решение бюро стало конкретным планом безоговорочной сдачи стана в срок, намеченный правительством.

Остается добавить, что в срок его и пустили,- раскаленные блюмы по рольгангам пошли от печей к мощным прокатным клетям.

Но вернемся к тому представительному совещанию, на котором первый секретарь обкома вспомнил и привел слова комбайнера Кособуцкого.

Стенограмма занимает всего несколько страниц - говорили о самом неотложном. Две предыдущих таких встречи свою пользу дали, теперь речь шла только о том, что оставалось невыполненным и могло задержать пуск. Недоделок набиралось немало, их устранение зависело только от распорядительности руководителей и трудовой энергии бригад. Решили усилить партийный контроль на каждом объекте. Сделать более конкретным соревнование. Обеспечить гласность результатов работы за сутки, за смену, за час. Гибче использовать систему морального и материального поощрения. Уязвимое место - благоустройство новых установок и

цехов, всей территории. Договорились о шефской помощи газовикам со стороны горожан, и тут же определили места приложения сил каждого из четырех районов Оренбурга.

Заместитель председателя Совета Министров СССР, ^выступая на совещании, назвал работу областной партийной организации "большой, красивой и умной".

Коваленко, подводя итог, призвал участников воспринять похвалу трезво и сосредоточиться на том, что еще не решено.

Поздно вечером он взял одну из книг полного собрания ленинских произведений. В разгаре была гражданская война, а Ленин смотрел в будущее. Так возник его запрос о том, "...что сделано для утилизации нефти, имеющейся (по словам Калинина) в 70 верстах от Оренбурга". Письмо, вошедшее в 51-й том, датировано 30 сентября 1919 года и обращено к работникам ВСНХ.

Калинин, который возглавлял агитпоезд "Октябрьская революция", к тому времени вернулся в Москву и уже беседовал с Ильичей. Рассказал он и о впечатлениях оренбургских. Тысячи и тысячи людей на всем пути следования спрашивали и рассказывали, советовали и жаловались, делились наболевшим. Напряженнейшим было положение на топливном фронте. Эликсиром жизни являлась нефть, и о ней мечтали всего более. Докладывая на заседании ВЦИК VI созыва об итогах поездок, Михаил Иванович говорил: "В Оренбургской губернии можно наблюдать такое явление: крестьяне привозят откуда-то по две-три сотни пудов нефти, они берут ее из каких-то канав и сбывают в городе: на ней работают городские двигатели и мельницы...".

Это и вызвало запрос Ильича.

Ответ товарищей из ВСНХ пока не найден. Но известно одно: тогда "утилизация" могла состоять только в том, чтобы выявить побольше "канав", использовать их и возить нефть - пудами - в города, на предприятия. Разведки месторождений начались годы спустя. Геологи сказали: "Богатства огромны". Вся страна узнала о Бугуруслане. А сегодня... сегодня кладовой "черного золота" стала вся западная часть области. Это великое нефтяное море. Еще более грандиозно море газовое, о котором в 1919-м и речи быть не могло. Газ - спутник нефти. Богатырь сопутствует Богатырю...

...Не прямой ли это комментарий к письму под номером 86, не самый ли лучший, желаннейший из ответов на ленинское письмо?

Коваленко говорил об этом, поздравляя строителей и газовиков с большой победой - пуском в эксплуатацию третьей очереди могучего газового комплекса.

А на следующий день отправился туда, где берет начало трансконтинентальный гигант "Союз".

...И цифры порою звучат как стихи.

Эта - из самых поэтических: 2750.

Через степи и реки, леса и горы. Хлебное оренбургское, казахстанское, южнорусское безбрежье. Земли, политые кровью отцов и братьев. Народом прославленные Волгу, Дон и Днепр. Цветущие в войну - партизанские, области Украины. Песенно-чарующие, но такие непокорные горы карпатские.

Не прямым и гладким был путь трассы - с десантами, форсированиями, штурмами.

Наступление! И развертывалось оно под знаменами братских стран социализма, соединенных великой общей целью.

До Карпат от Урала - вехи. Так шагай, богатырь голубой! Венгры, немцы, поляки, чехи Этой трассой идут с тобой. Вместе с ними наш русский парень. Братской дружбой скреплен союз. Подставляет плечо болгарин, Чтоб не тяжким был общий груз. Ты пройдешь через рвы, окопы, Где гремела война не раз... Может с щедростью пол-Европы Обогреть наш уральский газ.

Поездка на головную компрессорную "Союза" была не хлопотной. Своими глазами убедился: дела идут успешно, для тревоги оснований нет.

Это - в отношении дел производственных. А вот насчет бытового обслуживания, строительства жилых домов для эксплуатационного персонала...

Нет, поездка не была напрасной.

Как не бывает у партийного работника никогда.

Жизнь продолжается.